

Маргарита Арго

Любовь
под прикрытием

Маргарита Ардо
Любовь под прикрытием
Серия «Из жизни переводчиков»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42655115

Аннотация

Таинственный мужчина из метро – явно не тот, кем кажется. Я решила узнать, кто он, и подпустила его слишком близко, красивого, непонятного и, возможно, опасного... Я не могла знать, что случится: одна неосторожная ложь, один неосторожный шаг, и, кажется, теперь разгадывают меня. Ведь в моей жизни тоже хватает секретов. А если началась большая игра, уже не остановиться...

Все совпадения событий, имен, должностей абсолютно случайны и являются вымышленными.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	30
Глава 5	42
Глава 6	68
Глава 7	77
Глава 8	90
Глава 9	104
Глава 10	121
Глава 11	130
Глава 12	138
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Маргарита Ардо

Любовь под прикрытием

Глава 1

Любовь зла! Любовь замёрзла! Любовь отчаянно хотела устроить разборки всем московским сервисам такси! Сколько можно получать в ответ: «По вашему заказу идет поиск машины»?! Они, похоже, машину на Северном Полюсе ищут, с поисковыми медведями...

Стою здесь уже минут двадцать. На улице мороз, вокруг склады и сизая, ветреная ночь. Мой автомобиль забрал эвакуатор, арендодатель уехал ещё до него, и я осталась одна чёрт знает где за МКАДом. Здесь и в тулупе в такое время ходить опасно, а уж в норковой шубке, на каблуках, с печатю компании и крупной наличностью в сумочке дефилировать решится только самая отчаянная русская женщина. То есть я, Люба Соколова, двадцати семи лет от роду, очаровательная шатенка с ямочками на щеках, которой не суждено было стать моделью из-за недостатка в росте и небольшого избытка в весе. Подружкам я говорю, что пышные бёдра в моде, и лучше быть толстой и красивой, чем худой и несчастной. Сбросить лишние килограммы я не мечтаю, потому что страшно люблю шоколадные сырки. Люблю настолько, что я

их произвожу. Экологически чистые, натуральные, вкуснейшие, без всяких там вредных добавок. В маленьком, уютном, почти кулуарном цеху тут неподалёку.

Я постояла ещё немного, тыкая носком замшевого сапога в сугроб. Околею.

Ладно, где наша не пропадала! Я поёжилась, засунула сумочку под мышку и потопала к конечной станции метро. Судя по карте в подвисяющем телефоне, идти было не очень далеко.

Двадцать минут по наледям и хрусткому снегу, и я ввалилась в тепло и мрамор, к турникетам и привычному запаху цирковой соломы, которой, как мне кажется, всегда пахнет столичное метро. Впрочем, с тех пор, как я обзавелась в кредит «Феденькой», мини-внедорожником красного цвета, я забыла об общественном транспорте. Мне нужно быть мобильной: я женщина маленькая, деловая и властная. Не то, чтобы я любила раздавать всем на орехи, но как иначе строить бизнес?

Я оплатила в кассе, получила карточку и даже с некоторым интересом ступила на эскалатор. Главное, тут было тепло! Немногочисленные пассажиры ожидали поезда на светло-мраморной станции с разноцветными непропорциональными квадратами на стенах.

Красивое у нас метро! А я люблю всё красивое, и за собой стараюсь следить. Даже не стараюсь, а прилагаю все усилия, потому что начинающей бизнес-леди нужно выглядеть

на все сто и пыль в глаза пускать при надобности. А надо мне часто...

Красивый поезд красиво примчался к красивому перрону, и я, немного замешкавшись, вошла в крайний вагон вслед за пожилой парой. Не знаю, откуда взялась эта дурная привычка вместо «последнего» говорить «крайний», но все говорят, и я заразилась этой тёмной суеверщиной.

В вагоне уже сидел один пассажир. Мужчина. При виде него я поморщилась, потому что мне с моей активной жизненной позицией ни за что не понять, как не старый совсем человек, судя по отсутствию седины в космах и в кудлатой бороде, может себя так запустить? Одет грязно, намотано что-то на шее, замызганные ботинки, перчатки с обрезанными пальцами. Зарос бородой так, что лица не видно. Явно бомж.

Я отвернулась и ушла в другой конец вагона. Знаю: осуждать нехорошо, но и жалеть не лучше. Влад, мой бывший коллега из молочной фирмы Тримм-Тиль-Бан, и вообще мой бывший, всегда говорил словами капитана Жеглова: «Жалость – поповское чувство». Я с ним согласна: жалость унижает.

Слабость в мужчинах я не приемлю. Сама бы хотела быть слабой, но некогда.

Вагон был чистым и новым, но я не стала садиться. Шубку жалко. Я обрадовалась наличию вай-фая и уткнулась в телефон: побалую себя немножко хорошей книгой. Обычно

я читаю в пробках, чтобы время зря не терять.

Поезд остановился на следующей остановке, и в вагон ввалилась группа нетрезвых парней лет по восемнадцать-двадцать. Они начали шумно смеяться и переговариваться, а один из них, посмазливей и понаглее подошёл ко мне:

– Вау, какая чика! Познакомимся?

– Молодой человек, я вам в матери гожусь, – строго ответила я и отвернулась.

Тот ничуть не смутился. Ухмыльнулся отвратительно и сказал:

– А я б затусил с такой мамочкой!

– И я! – гыкнул длинный в чёрной шапке и с едва отросшей козлиной бородёнкой. – Усынови меня, детка!

Остальные похабно расхохотались, отравив воздух в вагоне спиртным перегаром. Пожилая пара спешно пересела в противоположный конец вагона от греха подальше. Моё сердце ёкнуло. В желудок упал ледяной ком. Но я не показала вида, что испугалась, и прошла уверенным шагом обратно – туда, где сидел бомж. Уж лучше соседство с ним, чем с этими беспредельщиками. Впрочем, бомж казался не просто тихим, а будто бы исключённым. Да уж, помощи от него не получить...

Я решила выйти на следующей станции и дожждаться другого поезда, встав где-нибудь рядом с полицией.

Увы, нахалы не поняли, что разговор окончен, и переместились за мной.

– У, какие мы гордые! – процедил смазливый. – Ну, если не хочешь веселиться, поделись, что там у тебя в сумочке... – и потянулся за ней. – Мы голодные, мамочка!

Я вцепилась в сумку обеими руками, испугавшись не на шутку, и рявкнула:

– Пошёл вон!

Одного рывка парню хватило, чтобы моя заветная сумочка оказалась у него! Я похолодела. А ведь и электрошокер там же! Что теперь?! Я кинулась за сумочкой, готовая драться, и проорала бомжу неистово:

– Эй! Вы же мужчина! Сделайте что-нибудь! Помогите!

Смазливый перебросил, издеваясь, сумочку в другую руку, а долговязый уже протянул мерзкую ладонь к моей щеке.

– Расслабься, детка.

Снова мерзкий смех. Они обступили меня.

– Ну же, помогите! – закричала я, стиснутая в кольцо зарвавшимся молодняком.

Зачем я кричу? Семеро, их семеро, даже нормальный человек ничего в такой ситуации не сделает... Скользнула в отчаянии взглядом на серую фигуру. И вдруг бомж вдохнул-выдохнул и будто бы включился. Вскочил с места, оказавшись высоченным. Ударил одного под колени ботинком. Второго по голове локтем. Третьему коленом в пах. Четвёртый и пятый получили с ноги профессиональным ударом каратиста. Долговязый полетел головой в поручень. Смазливый попятился. Ещё один выпад ногой, и нахал, как осталь-

ные, валялся на полу, корчась в столах:

– Он мне нос сломал!

Бомж поднял сумочку. Без слов протянул мне. Зыркнул огненными карими глазами и, отворачиваясь, будто бы опять выключился. Ошарашенная, я забыла, что надо сказать. Только раскрыла рот, закрыла, как пучеглазая золотая рыбка в аквариуме.

Поезд остановился, двери раскрылись. Бомж стремительно вышел. Меня охватил стыд и смятение: ведь он же меня спас! Во всех смыслах! А я... Не люблю быть неблагодарной!

Я бросилась за мужчиной, краснея и вновь обретая дар речи:

– Подождите! Эй, постойте! Ну, куда же вы! Я отблагодарю вас!

Но бомж с навыками Брюса Ли уходил от меня чрезвычайно быстро по немногочудной платформе. Я чуть было не поскользнулась на своих каблуках, всё-таки сломала супинатор. Чтобы не упасть, схватилась за указатель. Подняла глаза, а кудлатого незнакомца и след простыл.

Как?! Куда он делся?! Растворился?! Тут же всё как на ладони, вплоть до эскалаторов! Но никого на станции не было, только полицейский с дубинкой и вопросом «Вам помочь» шёл ко мне.

И я пробормотала растерянно:

– Боже, раньше были супермены, а теперь супер-бомжи... Ниндзя! Совсем экологию испортили...

Глава 2

От удивления я даже позвонила Владу и попросила отвезти меня домой. Мало ли что ещё сегодня могло случиться... Деньгами на аренду склада и цеха я рисковать не могла, и так за слабоумие и отвагу уже заслужила медаль. Нет, тех наглых и качественно разбросанных по вагону нарушителей порядка забрала полиция. Служители закона сработали оперативно, опросили меня, пожилую пару как свидетелей и отправили избитых недорослей куда положено. Оказывается, в метро есть видеонаблюдение!

– Что с твоей машиной? – поинтересовался Влад, открывая передо мной дверь служебного Форда.

– Не завелась, – ответила я рассеянно, села на переднее пассажирское сиденье и прижала рукавами шубы сумочку к туловищу.

– Я говорил: не бери паркетный внедорожник! Это игрушка, а не автомобиль. Что теперь думаешь делать?

– Да ничего, – вздохнула я. – На Феденьку ещё гарантия действует, завтра должны отзвониться из техобслуживания.

– Никогда не смогу понять, зачем давать железке имя.

– Так уютнее, – ответила я.

О приключениях в метро я решила бывшему не рассказывать, ведь у нас оттого и не сложилось, что он всегда подчёркивает мою неправоту и занудно придирается к словам.

Часами рассуждает, почему я выбрала неправильное выражение или допустила оплошность.

Этого я долго выдержать не смогла, несмотря на то, что Влад красив и импозантен, насколько только может быть представитель по ключевым клиентам крупной иностранной компании – КАМ. Он несёт себя по жизни, как рояль, следит за собой, три раза в неделю ходит в спортзал и до сих пор кривится, стоит при нём съесть лишнюю конфетку.

Кажется, он хотел превратить меня в свою Галатею, но колочки воспитанию не поддаются.

В одно сентябрьское утро я просто поняла, что это не «мой человек». А быть вместе лишь бы не одной я не привыкла, я по натуре боец, хоть маленький и местами круглый.

Влад сказал, что я всё неправильно поняла и дал мне время образумиться. Зато мы не закатывали при расставании истерических сцен и не били посуду, просто пожелали друг другу удачи и разъехались. При этом вполне можем созвониться и обсудить рабочие вопросы, хоть он непременно скажет, что открывать бизнес было с моей стороны самонадеянно и слишком рано, тем более неразумно было брать кредит на развитие бизнеса под залог квартиры. Но мне проще броситься в омут с головой и нахлебаться, чем потом всю жизнь жалеть, что так и не попробовала. Вот и сейчас он снова говорил об этом. И я по привычке не слушала.

– Тебя завтра в офис подбросить? – наконец, спросил Влад.

– А? – рассеянно переспросила я, отвлекаясь на серую сутулую фигуру какого-то бродяги, переходящего под ярко-жёлтыми фонарями дорогу.

– В офис отвезти утром? – с лёгким раздражением повторил Влад. – Что интересного в этом бомже?!

– Ничего... Да нет, спасибо! Утром сама доберусь, – пробормотала я, вспоминая огненный взгляд моего спасителя.

В груди ёкнуло. Выключенный бомж в метро вдруг оказался живее всех живых. И я со вздохом заёрзала на сиденье. Что-то в моей голове не складывалось: бомж не может быть профессиональным бойцом, каратистом, причём настолько крутым, чтобы непринуждённо расщелкать, как семечки, семерых молодых хулиганов. А если он не бомж, то кто?!

* * *

Влада к себе я приглашать не стала. Было уже поздно. Он чмокнул меня в щёку и на прощание ещё раз пожурил за мой «паркетник».

Я так и не бралась за ручки сумочки – они побывали в руках смазливого нахала и ниндзя-бомжа, кто знает, что те брали до моей сумки. Дома я аккуратно сгрузила сумку на тумбочку. Выдохнула, наконец, и разоблачилась.

У меня в квартире совсем не шикарно, а почти всё так, как досталось мне от Эрнестины Львовны, которая не доводилась мне даже родственницей. Двушка с высоченными по-

толками в сталинке на Смоленском проспекте мне и сейчас была бы не по карману. Но теперь я немножко тут обустроилась.

Я приехала в Москву из Ярославля, поступив после школы в Университет имени Мориса Тореза на иностранные языки и мыкалась по утлым жилищам, деля комнатки с другими девчонками и подрабатывая с первого курса, в том числе в кафешке неподалёку. Однажды я увидела древнюю сухонькую бабушку, плачущую над сумкой с порванными ручками. На тротуар выкатились пара красных яблок и пол булки хлеба. Молоко белой лужицей расплескивалось из треснувшей бутылки.

Такого моё сердце выдержать не смогло, и хоть я опаздывала на смену, пришлось остановиться и помочь бабушке отнести продукты домой. И молока купила по дороге. Эрнестина Львовна оказалась совершенно одинокой, но удивительно деликатной и интеллигентной старушкой. Она раз двадцать извинилась передо мной за отнятое время и случившийся конфуз, напомнив мою собственную бабушку, которой, увы, уже пять лет с нами не было. А в бабушках есть что-то уютное, даже несмотря на неприятный запах лекарств и старых вещей.

Я стала иногда заглядывать к Эрнестине Львовне с её разрешения. То молочка куплю, то картошки – не таскать же ей на пятый этаж пешком. Старушка была словоохотлива, как все одинокие люди, поила меня чаем и рассказывала исто-

рии из жизни.

Это даже и не дружба была, а просто сердечное знакомство. Сложно живётся одной на свете в девяносто пять лет. Случалось мне и лекарства покупать, и врача вызывать, получая каждый раз сотню извинений от Эрнестины Львовны. И в скорой с ней ездила, когда у старушки давление зашкалило. Пришлось наорать на врачей, потому что они сказали: «Зачем лечить? Такой возраст!» Ну, орать я умею, голос у меня громкий и не по росту командный – сразу возраст стал не при чём.

В общем, это и всё, что было между мной и старушкой с улицы. И вдруг однажды её квартира была опечатана, а соседка сказала, что Эрнестина Львовна умерла. Я даже всплакнула – привязалась к ней...

Каково же было моё удивление, когда спустя время мне позвонил нотариус и сообщил о необходимости вступить в наследство. До сих пор не могу поверить, за что судьба меня наградила таким подарком, но благодарна от всей души. Девчонки говорят, что так не бывает, но вот случаются порой аномалии вселенского добра...

* * *

Спала я беспокойно: ворочалась, вставала попить водички и заглянуть в холодильник. Всё из головы не выходил тот бомж. И взгляд его. Даже приснился. Почему-то мы гоняли

на танке... Это очень странно для меня – думать о божье! Даже не расскажешь никому – стыдно! Утром, невыспавшаяся и не сильно довольная жизнью, я отправилась на работу. В кои-то веки без особого удовольствия. Рассеянно читала почту, отвечала на звонки, выдала задачи немногочисленным подчинённым и на автомате подписала акты выполненных работ.

Хорошо выспаться и вкусно покушать – для меня почти равно счастью. Сегодня утром было только «вкусно покушать». И – о, кофе! Моя худенькая, как три швабры, помощница Лидочка заглянула со спасительной поллитровой кружкой кофе и поставила её передо мной:

– Любаш, ты чего-то не в себе сегодня.

– Плохо спала.

– А, ты тоже ночью новую серию Шерлока смотрела?

– Какого Шерлока? – сразу и не поняла я.

– Ну как же, нового, британского! По первому. Ты вроде собиралась. Там такой замут! Оказывается, жена Ватсона – спецагент под прикрытием, прикинь?! Не то, чтобы я была в восторге от подобной сюжетной линии, ты знаешь, я за логику в сюжете, но захватывающе...

– Спецагент? – моргнула я, мгновенно просыпаясь.

– Ага, очень интересно! – светло-серые глаза Лидочки сияли.

На её коротких рыжеватых волосах как всегда царил художественный беспорядок, который она почему-то называла

укладкой. А так всё как обычно, свитер пастельных тонов, джинсы и сапоги. Я – властный, но довольно демократичный директор, пока не рассержусь.

– Спецагент, – повторила я, просветлевая умом. – Лидок, а набери-ка мне папу.

Дело в том, что папа у меня не такой, как все. Хотя и усиленно притворяется таким...

Глава 3

– Папуля, а ты сейчас где? – пропела я ласковым голосом, надеясь, что в ответ не услышу Абу-Даби или Камчатка. С моим папой станется. Чаще всего он таинственно промолчит. Да уж, у нас всё сложно...

– Дома, – словно это нормально, ответил папа, – как ты, моя Фарушка?

Почему я Фарушка, даже папа не знает, но с детства называет меня так. Может, потому что моим первым словом было far¹ с натуральным английским прононсом вместо «мамы» и «папы».

Родители рассказывали, что я периодически выдавала что-нибудь эдакое на английский манер. К примеру, тыкала пальчиком в холодильник и говорила «фри», то есть почти fridge². Хотя не исключено, что меня просто манила картошка фри уже в ползунковом возрасте...

В общем, я везде лезла, не только в холодильник. Наверное, Фарушку папа придумал, когда понял, что с именем он промахнулся. «Доча, – вечно приговаривал папа, когда я совала свой нос куда не положено, – называли тебя в честь высшего чувства, а получилось, что Люба от слова любопыт-

¹ Far (англ.) далеко.

² Fridge (англ.) холодильник.

СТВО».

А я не считаю, что любопытство – это что-то отрицательное, наоборот. Эта черта эволюционная! Вот не было бы Колумбу любопытно, что там, на той стороне Земли, не видать бы нам сегодня МакДональдса и Голливуда. Правда, тогда бы индейцы были счастливы...

– Дома где? – уточнила я на всякий случай.

– В Сергиевом Посаде, конечно. Где же ещё?

Да где угодно! – подумала я, но ничего не сказала.

– Папулечка, а ты мог бы мне помочь?

– Конечно, Фарушка! Что надо?

– Проверить «пальчики», в смысле отпечатки пальцев, – игриво сказала я. – Как ты думаешь, если человек коснулся ручек кожаной сумочки, они могут остаться?

– С чего ты взяла, что я с этим тебе помогу? – невинно осведомился папа.

Я пнула в раздражении ведро для бумаг под столом. Ну, с родной-то дочерью можно не придуриваться! Горбатого могила исправит.

Впрочем, кем именно работает мой папа, я не знаю до сих пор. Хотя догадываюсь. В пять лет, когда папа уходил на работу, я случайно вытащила у него из кармана малюсенький пистолет. Я очень обрадовалась, что как в кино, а родители чуть не поседели. Кричали: «Отдай, отдай». А я смеялась, убегала и говорила, что я «ханхстер, и отдам только за денежку».

На вопрос, кто мой папа, мама всегда отвечала: «Инженер». Я спрашивала, где он работает, но мама поджимала губы: «Мы об этом не говорим». Папа мог уйти на работу в воскресенье вечером и прийти в пятницу следующей недели подозрительно загорелым, несмотря на зиму, и привезти в подарок, к примеру, сомбреро. Или неопознанные восточные сладости с арабской вязью, или засушенного огромного паука больше моей ладошки, или бусики из косточек неизвестных ягод.

Иногда папа был элегантным, иногда натуральным дворником. Главное, что он был весёлым и классным папой, пока не уехал в командировку, когда мне было пятнадцать, и исчез. На семь лет. Мама украдкой плакала по ночам, я просыпалась и бежала её успокаивать. Но как я ни допытывалась, что случилось, мама молчала круче всех партизан на свете. Правда, стала болеть гипертонией. Я была в растерянности, даже не уверена была, уезжать ли мне поступать в Москву, но мама настояла и выпроводила меня в большую жизнь.

Чувствуя себя обманутой сиротой, я была на папу зла, уверенная, что он нас бросил, как последний трус, ничего не сказав. Но когда я закончила университет, папа явился, постаревший и какой-то совсем другой: не сияющий улыбками обаятельный и гибкий шкаф среднего роста, а худой, коричневокожий, похожий на бедуина, с седым европейским ёжиком и едва уловимым акцентом.

Мама обрадовалась, снова плакала и целовала его, как

безумная. Позже они всё равно развелись: привыкли жить друг без друга.

Я со скандалом требовала объяснений. Но оба родителя заявили строго: «Тебе лучше не знать!» Садисты какие-то, честное слово. Года три я на папу сердилась и отвергала все его попытки поучаствовать в моей жизни, ведь к тому времени я уже научилась быть самостоятельной и пробиваться везде, где нужно. А потом оттаяла. Всё-таки папа. У меня другого не будет.

Правда, он снова периодически исчезал, привозил неожиданные подарки, а в свободное от секретов время делал вид эдакого почти пенсионера-инженера-дурачка с зарплатой в три копейки, кормя и дрессируя всех собак, кошек и голубей в своём дворе.

– Папа, мне очень надо! – требовательно сказала я. – Вопрос жизни и смерти!

– Во что ты ввязалась, кукла маленькая? – нахмурился, судя по голосу, папа.

«Кукла маленькая» по отношению ко мне – это балда, стосеросовая или любое другое ругательство по выбору.

– Ни во что. Пока, – многообещающе ответила я.

– Я же всё равно узнаю...

– Вот поэтому лучше помоги узнать, не известен ли всяким там службам человек, который спас мне жизнь вчера в метро.

– Подробнее, – строго сказал папа.

И я рассказала в цветах и красках про вчерашнее приключение, трижды обозванная «куклой маленькой» в ответ.

– Зачем тебе это надо? Человек явно уходит от знакомства, – сказал папа.

– Ну, папуля, ну, пожалуйста, – канючила я, как в детстве, потому что на него это действует, – ну, я сегодня ночь не спала, думала о нём, я просто если узнаю, что это не бомж, а кто-то там, какой-то там, я не буду пытаться отблагодарить. И лезть не буду, честно-пречестно. А если человек бедствует? Если он скромный, нищий, бомжеватый герой, которому не на что колбасы купить? А у меня в сумке вчера двести тысяч было налом, и печати, и документы! Вот есть же народная мудрость, что надо делиться. Так я ему хоть немного денежки подкину. Я не могу не отблагодарить, умру просто!

– Умрёшь ты скорее от любопытства, – вздохнул папа в трубку.

– Ну, ты сам виноват, назвал меня Любой. Надо было Надеждой назвать...

– Угу, тогда бы ты непременно Ленина себе нашла или сама бы слепила, – буркнул весело папа.

Чувствуя послабление, я надавила на больное и сказала жалостливо:

– Ведь ты так долго мне ничем не помогал... – И добавила голосом сиротинушки: – А мне и попросить было не у кого...

– Ну хорошо, – выдавил папа. – Где там твоя сумочка? Уррраа!!! Сработало!

– Я тебе привезу! – воскликнула я, забыв на радостях, что «Феденька» в ремонте.

– Нет уж, я сам заберу и проверю. Если есть что проверить, – пообещал папа. – Буду у тебя в шесть.

– Спасибо, папуля! – пропела я в трубку. Отбила звонок и, довольная, станцевала ритуальный танец шамана-вождя, попавшего копьём в глаз динозавру. Йахууу!!!

Папы всякие нужны, папы разные важны! Секретные так тем более...

* * *

Папа сказал, что позвонит утром. И я ждала, сидя в офисе, как на иголках, толком не понимая, зачем мне всё это нужно. Я отменно волновалась, поедая экспериментальные шоколадные сырки с новыми добавками. От лимонной скривилась, киви тоже не пошло, а вот перетёртая с сахаром смородина и клюква очень даже понравились. Хотя с чистым, без примесей творожным чудом в шоколаде по советской ГО-СТовской рецептуре, которую я выискала всеми правдами и неправдами, ничто не сравнится!

Папа позвонил в десять утра, когда мой стол был завален бумажками от сырков, а блокнот исписан заметками «для нашего дядюшки»-технолога.

– Он не из наших, – сообщил папа.

– Ой, – я опешила, – значит, из тех, кого вы ловите?

– А кто тебе сказал, что я кого-то ловлю? – невинно спросил папа.

– Ну пап...

– Нет.

– Как так?!

Бабамс, с моего стола упал дырокол. И в голове где-то так же грянуло, ведь в ней уже была нарисована грандиозная история суперагента под прикрытием, красочного шпиона, Джеймса Бонда... А он, выходит, просто бомж?

Здравствуйте, приехали! А каратэ? А огненный взгляд?!

Я даже похолодела. Но тут папа сказал следующее:

– А вот так, Фарушка. И я предлагаю тебе расслабиться и прекратить какие-либо поиски и попытки вознаградить «бедного» героя, потому что герой он так себе...

– Кто это? – спросила я, затаив дыхание.

– Рафаэль Маркович Гарсия-Гомес, его отец из обрусевших испанцев, кстати, состоятельный человек... Гарсия-Гомес младший учился с тобой в одной школе в Ярославле, только на четыре года старше. Ты, наверное, и не помнишь такого. И для краткой справки: Гарсия-Гомес младший привлекался три года назад по делу об автомобильной аварии с летальным исходом. Он был виноват. Пьяный за рулём. Дело быстро замяли, но виновник, видимо, пустил свою жизнь под откос. Так бывает. Предположительно спился.

– А кто погиб? – севшим голосом спросила я.

– Его жена, Наталья Николаевна Гарсия-Гомес.

– Спасибо, папа, – пробормотала я.

– Доча, я уеду недельки на две, – сказал папа, – ты уж, пожалуйста, не пускайся во все тяжкие. Помог тебе человек, спасибо. Не хочет знакомиться – не лезь. Может, у него не все дома.

– Хорошо, папа, – ответила я тихо и отбила звонок.

На самом деле, на меня будто ушат холодной воды вылили и в морозильную камеру засунули – так я примёрзла к офисному стулу. Потому что я не просто помнила, кто такой Рафаэль Гарсия-Гомес, Раф, как его в школе называли... Я была безумно и безответно влюблена в него целых два года! Почти три... С двенадцати до пятнадцати лет.

Я уткнулась глазами в стену, а видела не грамоту в рамке, которая закрывала пятно от кетчупа, а его, Рафа, семнадцатилетнего, красивого, высокого спортсмена и звезду нашей школы. Он шёл на медаль, он был мажором, за которым бегали девочки. Я и сама готова была с крыши прыгнуть за одну его улыбку! Раф побеждал на соревнованиях по каратэ, у него были волосы и зубы, как у актёра из рекламы шампуней и зубной пасты одновременно.

Он собирался поступать в МГИМО, все это знали. Многие завидовали. И с упоением обсуждали Рафа, как обсуждают знаменитостей. Одно имя чего стоило!

В двенадцать я поняла, что в нашем классе все мальчишки дураки и смотреть не на кого, а приличной девочке уже стоило влюбиться. Тем более, что мы с девчонками, Наташ-

кой Спицыной, Варей Галкиной и Олькой Крофт, вместе сочиняли роман в стиле трёх мушкетёров. Так что мне надо было найти кого-то, с кого писать главного героя. Ну, не из наших же крикливых драчунов выбирать, и я стала внимательно рассматривать старшеклассников.

И вдруг на физре, на стадионе я увидела ЕГО! Точнее, я и раньше его, конечно, видела. Но тут, сидя с тетрадкой на лавочке и выбирая жертву, в смысле главного героя для эпической истории любви, я увидела Рафаэля. Он нёсся с мячом, огненный, энергичный, смуглый, в спортивных трусах и футболке. Забил гол, и его все принялись обнимать. Орали, как сумасшедшие. И мне тоже захотелось орать и обнимать!

А потом он снял майку, вытирая пот. И я поняла, что вот таким и должен быть настоящий герой – смуглокожим, стройным, высоким, атлетически сложенным, гибким и быстрым, как гепард. И с такой улыбкой на уверенном лице. У меня аж дыхание перехватило.

Потом я выслеживала его в школе, напрашивалась к Варе в гости, ведь он жил в подъезде напротив её окон и дружил с её старшим братом, хоть в гости и не заглядывал.

Себе я объясняла это тем, что мне надо описать героя – я обещала девчонкам, и должна ответственно подходить к делу. Но как-то постепенно я стала ненавидеть Наташку Нехлюдову, с которой он встречался, старалась и канючила, чтобы мама купила мне вещи повзрослее, а однажды даже, изнывая от желания увидеть его поближе и, о Боже! потан-

цевать рядом, я свистнула мамину красивую блузку и чулки, обрезала свою любимую юбочку до мини и отпросилась «ночевать» к Варе. Это была чистой воды авантюра, потому что нас, шестиклашек, на дискотеку не пускали.

Но я заблаговременно подготовила ходы и выходы! Игра стояла свеч, потому что Варин старший брат сказал, что Раф на дискотеку точно пойдёт. Я была готова на подвиги ради секундочки рядом с ним. К этому январскому, морозному вечеру я уже души в нём не чаяла, рыдала в подушку и представляла Рафаэля самым романтичным из всех на свете принцев, героев и д'Артаньянов!

В груди всё сворачивалось сладостным, а иногда мучительным томлением, сердце раскрывалось и таяло, а потом сжималось в страхе от мысли, что он вот-вот окончит школу и уедет в свою Москву. А я... Слезы наворачивались на глаза и про себя пелось что-то грустное и про любовь. Нет, надо было рискнуть! Вдруг он увидит, какая я красивая и женственная, несмотря на ранний возраст, и пригласит меня потанцевать! От этой мысли внутри всё загоралось в радостном предвкушении.

Наряженная, как мне казалось, как принцесса, с распущенными волосами до бёдер, я спряталась за портьерами актового зала и сидела там долго-долго. Чуть не заснула от тёплой батареи рядышком. А потом вдруг выключили свет, что-то замелькало и заиграла музыка. Дискотека!

Подождав ещё для верности, я выбралась из укрытия и

испугалась. В темноте и бликах светомузыки все казались невероятно взрослыми и какими-то не такими. Вдалеке, почти у сцены я заметила Рафаэля, Наташку и Вариного брата. Трясаясь, как осиновый лист, я направилась туда. Я видела только его. Красивее никого на свете не было! Я шла быстрее и быстрее, у меня будто крылья выросли. И вдруг кто-то грубо меня остановил:

– Эй, малышка! – Это был самый отъявленный бандит в школе – Хрюмин.

Я сжалась от страха, а он потащил меня за руку к стене.

– Таким, как ты, здесь быть не положено, – грязно засмеялся он и навис надо мной. – Но ты будь, раз уж такая хорошенькая.

– От-от-отпустите меня, – выкрикнула я, испуганная, словно меня похитила горилла.

– Ну зачем же? – гыкнул Хрюмин. – Такие губки, надо попробовать.

И вдруг я почувствовала, что меня ещё сильнее вжимают в стену, а в рот лезет что-то мокрое и противное. Такого я стерпеть не могла и куснула со всей силы.

Дикий крик Хрюмина долго звенел в моих ушах, пока я бежала домой, забыв, что «ночную» у Вари. По дороге чулки упали в сапоги, и я бежала по морозу с голыми коленями, благо недолго и очень быстро. Ужас, что горилла погонится за мной, подстёгивал меня лучше мороза. Я ворвалась домой, мама ахнула, засунула меня в горячую ванну, а потом

надолго наказала.

Позже, несмотря на мои опасения, Хрюмин ко мне ближе чем на три метра не приближался. Даже на пять. Видимо, я хорошо кусаюсь. Но, увы, я и не увидела толком, как танцует Рафаэль...

Один единственный раз мне довелось оказаться с ним рядом. И я помню это, как сейчас. Я пришла в школу позже, мы с мамой ходили к врачу, и в тишине, пока все были на уроках, я подошла к расписанию, уточнить, где у нас рисование. И вдруг к стенду подошёл ОН. Забыв о приличиях, я смотрела на него большими, сияющими глазами, счастливая и ошарашенная от подаренного мне жизнью шанса. А Рафаэль посмотрел что-то в одиннадцатых, потом повернул голову и увидел меня. Улыбнулся и сказал:

– Боже, какой чудесный ребенок! – и так ласково и совершенно волшебно чмокнул меня в нос. А потом ушёл в приподнятом настроении.

Я не умывалась неделю...

Через полгода он уехал, и я видела его урывками всего три раза, и целый год страдала. А потом пропал папа, и мне уже было не до собственных страданий. Правда, ещё раз я видела Рафа совсем рядом во время летних каникул, но я была одета не очень, и Рафаэль просто прошёл мимо меня.

И хотя я считала, что чувства к нему давно угасли, мне стало так обидно, что я решила во что бы то ни стало всегда быть яркой, красивой и всем заметной. Даже если за хлебом

выхожу! А ещё решила, что буду жить не беднее, чем он и его родители! Так что, возможно, именно Рафаэль, моя первая и такая долгая любовь, повлиял на то, чтобы я поступила в университет, закончила с красным дипломом, и работала, не боясь, правда не переводчиком, а в продажах, потом опять переводчиком, потом снова в продажах. И созрела до собственного бизнеса. Будто кому-то что-то доказываю. Кому? Зачем?...

До сих пор где-то у меня дома хранится его фотография, которую я украла из фотоальбома Вариного старшего брата. Когда я приехала в Москву после школы, меня несколько раз посещала мысль, что, возможно, мы встретимся, ведь говорят, что Москва – это большая деревня. Увы, она оказалась гигантской. Но всё-таки деревней: столкнула нас спустя столько лет!

В сердце снова защемило, и даже плакать захотелось от несоответствия, от невозможности того, что было на самом деле. Это неправильно! Так быть не должно!

Он был не пьян в метро, – подумалось мне. – И глаза не алкоголика, и нос. Очень правильный, аристократичный нос. У алкоголиков всегда лицо деформируется, но не у него...

И снова представился Рафаэль в школе, красивый, с улыбкой на миллион долларов и девчонки следом за ним, табуном... До слёз.

Глава 4

Когда я делала первые шаги в бизнесе, мне довелось послушать лекцию Радислава Гандапаса и сделать выводы: для успеха надо брать и делать, а не сидеть и мечтать; надо не бояться допускать ошибки, и главное, надо снять корону. С тех пор без короны и хожу. То есть мне не облом самой клиентам позвонить или напечатать письмо вместо секретаря, или продать мои собственные, лучшие на свете сырки. Если, конечно, делегировать некому, так-то я вообще ленивая.

Но мы развиваемся быстрее, чем я успеваю сотрудников нанимать, так что пока работаю, как негр. Очень хорошо помогла наработанная в Тримм-Тиль-Бан клиентская сеть. В гиперы, конечно, было не пробиться. Зато в магазины, торгующие исключительно эко-товарами из всего натурального, я была вхожа. И для диетиков. Ой, снова меня занесло про продажи... Речь собственно не о клиентской базе, а о снятой короне.

Несмотря на то, что с Варей Галкиной и её братом я давно не общалась, мне ничего не жало позвонить Петьке самой. Точнее, ныне Петру Михалычу, работающему в солидной фирме начальником отдела IT. После долгих переключений и расслабляющей музыки я услышала полусонный голос гения программирования:

– Алло, техотдел...

– Привет, Петь, – начала я с места в карьер. – Это Люба Соколова, Варина одноклассница, из Ярославля. Как дела? Как жизнь? Есть минутка?

– Привет, – ошарашенно ответил, судя по голосу, обретший пузико и усы Варин брат. – Чем обязан?

– Помнишь, лет пять назад ты говорил, что какое-то приложение продаёшь суперское, которое позволяет найти старые новости и инфу ещё с доисторических времён интернета.

– Приложение помню. Что говорил, не помню, – честно признался Петька.

– А я б купила.

– Да я тебе и так его скину.

– Нет, я привыкла за всё платить. Тогда во Вселенной распространяется равновесие и финансовая гармония. Если плачу я, мои клиенты тоже будут платить мне с удовольствием.

– Ну, как хочешь, – крикнул Петька. – Кого искать собралась?

– Да тут по работе надо, – соврала я. – А в этом приложении всех-всех можно найти?

– Если в рунете упоминание было, да. Удобная штука.

– Супер! А скажи, чисто для примера, ну допустим, одноклассника твоего, испанца, как там его фамилия... А, Гарсия-Гомес! Ну, если б ты его хотел найти, нашёл бы?

– Рафа? Да что его искать, – буркнул Петька.

– В каком смысле?

– Того Рафа, которого мы знали, нет уже. Всё, сдулся. Умер считай. Он сам так сказал. Может, уже и на самом деле умер.

– А что случилось? – я сделала вид, что не в курсе.

– Помнишь Наташку Нехлюдову, с которой он тусил в одиннадцатом? Помнишь, да. Яркая была девочка, – вздохнул тяжело Петька. – Мне нравилась всегда. Раф на ней женился. А потом угробил.

– Каким образом?

– Да пьяный за руль сел после какого-то там праздника. Кажись, новую должность обмывали. Он же работал во внешней торговле, в общем налаживал торговые связи на государственном уровне с азиатскими странами. Собирался перебраться в Японию. С дипломатической миссией.

– Круто поднялся.

– Да. Только он в тот вечер разбил свой Рэндж Ровер в кашу. Сам не так чтобы пострадал, его ударом выбросило. А Наташу в закрытом гробу хоронили. На встречу выехал. Почувствовал, что мигалка не за горами, хвост распустил, вот и получил обратку. С лихвой. Потом его отец отмазал от уголовки, а он даже с ним разругался и забил на всех. Ну, в этом он весь, звёздный мальчик Гарсия-Гомес...

Сердце у меня сжалось. Наташа Нехлюдова – высокая такая, видная блондинка, как только что из Беверли Хиллз. Да, они были очень красивой парой, я изревновалась вся во вре-

моя своей юношеской любви. Как же я злилась на неё тогда, в школе!

Щёки мои разгорелись. Стало стыдно до кома в горле. А ещё неприятно от того, как Петька говорит о Рафе. Со-чувствия в голосе не слышалось, только мерзенькое, радостно-мстительное удовлетворение обывателя, которое сквозит при падении тех, кто упал оттуда, куда многим никогда не взлететь. А ещё другом в школе считался! Я положила трубку, и аж руки помыть захотелось.

Приложение Пётр мне скинул, и я перечислила деньги с желанием не звонить ещё энное количество лет. Видимо, зависть у них черта семейная, Варя тоже не смогла пережить, что я после университета преуспела, а она работала учительницей в школе. Я ей духи французские в подарок, а она мне – «ты своими деньгами кичишься». На том дружба и кончилась.

* * *

Поскорее расправившись со срочными делами, я загрузила Петькино приложение «Face Up», и ввела имя Рафаэля в поисковую строку. Чего только не высыпалось! И всё не свежее, будто три года назад Рафаэль Гарсия-Гомес действительно умер. В соцсетях страниц нет, у друзей бывших тишина. Куча фоток с соревнований по каратэ, и везде он с медалями. Господи, какая же улыбка у него! Я себя снова две-

надцатилетней почувствовала, аж в груди зашлось что-то.

Встряхнула головой и прочитала последнюю статью: «Скандал с автомобильной аварией, в которой замешан государственный функционер, решили не раздувать». Я губу закусилась. Во рту почувствовала горечь. Глаза зачесались. Как-то сами...

Потом я вдоволь насмотрелась на Рафа в период его расцвета. Столько презентаций, светских вечеринок, жизни, которой завидуют! Студенты по обмену в США, какие-то волонтерские движения... Раф с ещё более красивой Натальей. В смокинге, в галстук-бабочке... Мужчина мечты – такой, что моё сердце застучало быстрее.

И опять стало стыдно перед Наташей. Словно она живая смотрела на меня с онлайн-публикаций пятилетней давности. Я свернула выпавшие окна приложения. В тёмном мониторе отразилась моя симпатичная, ухоженная, но довольно круглощёкая мордаха. Блеснули любимые серьги Сваровски с розовым камушком. Да уж, с Наташей Нехлюдовой не сравнить...

Я печально вздохнула и тут же рассердилась на себя. Да что это я?! Я же не жениха себе искать собралась! Видно без очков, что человеку нужна помощь. Он мне помог! А я помогу ему. И даже не потому, что Рафаэль Гарсия-Гомес – моя первая и давно угасшая любовь, а просто потому... – я застряла с поиском мотивации, пыхнула сама на себя и стукнула ладонью по столу: – просто потому, что я нормальный

человек! Вот! Пошлёт лесом, значит, лезть не буду. А папе ничего не скажу.

– Лида, я уехала, – сказала я помощнице, запахивая шубку на ходу. – Срочные переводы на мобильный, остальных в сад.

Для начала надо было забрать из ремонта «Феденьку». Благо, починили.

Итак, поиски начну с «Саларьево». На этой станции сел Раф. И я. Кстати, и по складу переговорю ещё раз. Может, мне такой красивой при свете дня арендодатель, солидный мусульманин, скидку сделает... А склад этот был мне нужен позарез – он как раз примыкает с торца к моему цеху в промышленной зоне, я бы заборчик снесла, и всем хорошо. Особенно мне.

Я села в жёлтое такси с настроем боевым и решительным, очень решительным. Мысленно представила себя Шерлоком Холмсом в доспехах и Жанной д'Арк с сумочкой и в гаджетах. Иначе никак, иначе нельзя! А то после фотографий и этой душераздирающей истории моё размягчённое, как масло на солнце, сердце готово растечься по груди и затопить неположным мозг. И так уже только и думается, что про Рафа...

* * *

Забрав из сервиса Феденьку, я объездила Саларьево вдоль и поперёк. Что собственно было не сложно. Саларьево – это

вовсе не район Москвы, а небольшая деревня с красивенькими коттеджами и нахлобученными сверху снегом халупами. Вдалеке запылённый террикон, из которого рыжими усами прорывается к небу сухая трава. Над головой самолёты из Внуково взлетают. Как ни странно, в этой унылой унылости ярче всего была именно промзона с новыми складами и контейнерами. Словно дизайнеры – те, что оформляли стены в метро цветными кубами, вдохновляясь ими.

По длиннющей промзоне можно было аж до Румянцева добраться или в другую сторону пешком через лес в Солнцево или в Московский. С холма за высокими соснами и берёзками виднелись многоэтажки. Далековато. С другого бока Хованское кладбище растянулось.

Я поёжилась.

Удивительно, что в эту дыру провели метро. И досадно, что на метро нельзя доставку товара в город осуществлять. Пробки по Киевскому шоссе бывают жуткими. Я тут обосновала производство, потому что проще свежее молоко из деревень подвозить, вокруг склады на любой вкус и аренда дешевле. Рациональность – моё всё.

Пока я ездила и заглядывала во дворы и закоулки, я поняла окончательно: Рафаэль ушёл ото всех, потому что со смертью жены потерял смысл жизни, одного чувства вины не хватило бы, чтобы вот так резко и на три года выключиться из жизни. Я себе не могу этого представить, хотя разные, конечно, бывают люди... А если нет смысла, надо его создать.

И я почти придумала, как.

* * *

Я устала ездить, но бомжа, похожего на Рафаэля, не обнаружила. Зато пьянчуги возле ларька, не привыкшие к пристальному наблюдению дамы из авто, стали вести себя неадекватно. Один даже принялся подмигивать и характерно приглашать жестом... нет, не то что вы подумали, а просто колдырнуть. Я вежливо отказалась.

«Люба, ты в своём уме?» – раз в тридцатый спросил внутренний голос папиным тоном. Я провернула ключ зажигания и поехала дальше. Внешняя серость просочилась и в мой неунывающий оптимизм. Не в четвёртый же раз объезжать поля и веси! Я с тоской глянула на лес. Нет, в сосны я не пойду! Даже ради Рафа...

Скоро опустятся сумерки. Как потемнеет, посторожу у входа в метро. А пока хоть делом займусь. И я поехала к складу Мустафы Хориза, крайнему у кромки леса и выходящему боком к последним скучным домикам.

Сдавая назад при развороте, я увидела знакомую патлатую фигуру. Сердце жахнуло куда-то в пятки, я резко обернулась и широко раскрытыми глазами увидела, как из леска к мусорным бакам за остановкой идёт заросший, весь в каком-то строительном мусоре Раф. Это точно был он! С мешком на плечах.

Хоть я и была к этому готова, я обрадовалась и огорчилась одновременно. Даже больше огорчилась. Уж слишком велик был контраст реального человека и мачо со светской вечеринки на фото. Щемящее чувство в груди сковало меня. Может, уже поздно? И зачем всё это мне?

Но не в моих привычках отступать, я мысленно перекрестилась и припарковала «Феденьку» у мусорок. Раф выбросил мешок в пустой бак и, не обращая внимания на мою машину, пошёл прочь. Молясь только о том, чтобы он был в себе, я выскочила на мороз и бросилась к Рафу:

– Пойдите!

Он притормозил, обернулся. Хмурый, похожий на всклокоченную тучу. Посмотрел на меня, ничего не говоря. Я подбежала, отметив лишь одно: от него не воняет, как от бомжей на вокзале. А потом у меня пропал дар речи.

Я совершенно растерялась перед ним, таким высоким, заросшим, закрытым, словно закованным в латы, которые невозможно снять, хотя это была только грязная горнолыжная куртка; с его прямым, идеальным носом и глубокими тёмными глазами, светящимися со смуглого лица. Мне казалось, я знаю, что за ними. Почти...

Вдруг стало больно, ведь там, внутри ему больно. И у меня в сердце...

– Что вы хотели? – глухо спросил Раф.

На тропинку между соснами выбежал замызганный пацанёнок узбекской наружности. Раф сказал ему что-то, и тот

убежал вприпрыжку обратно. Я оторопела: что это было? Тюркский? Фарси?!

– Постойте! – Повторила я, ужасно волнуясь.

– Стою, – ответил он с лёгкой усмешкой.

И я растерялась ещё больше. Кое-как переборола смущение и сказала:

– Я вас не поблагодарила вчера за спасение... Вы правда меня спасли! В сумочке было всё, важные документы, деньги... всё.

– Считайте поблагодарили, – буркнул он и развернулся к лесу.

– А... – я хлопнула ресницами.

Но он уже пошёл по тропинке в чащу. Я рассердилась на себя за внезапную неловкость и невозможность подобрать слова, потому что все, заранее подготовленные, из головы выскочили. На языке только вертелось «Раф, Раф...» и оно тоже было ни к чему, я сделала то, что всегда делаю в неразрешимых случаях. Я расплакалась. Громко и жалостливо. С истеричкой. С ГИБДД всегда помогает.

Заливая горячими слезами собственные щёки и снег, я рыдала отчаянно и искренне. Вытирая аккуратно глаза, чтобы не стереть тушь, успела заметить, что Раф всё-таки вернулся. Маленькое ура...

– Что такое? – чуть кривясь, спросил он.

Судорожно всхлипывая, я произнесла:

– Помочь...

– Помощь? Вам нужна помощь? – переспросил он, нахмурившись.

Кажется, Раф, как и любой нормальный мужчина терялся при виде женских слёз. Значит, он всё-таки нормальный! И я решилась схватиться за первую мысль, стукнувшую мне в голову. Смысл – я придумала смысл! Спасать! Я отчаянно закивала головой, продолжая ронять слёзы в снег.

– Какая помощь? Машина сломалась? – уточнил он.

– Нет, – я поморгала, выдержала паузу, шмурыгая фигурно носом, и выпалила на одном дыхании: – Мне нужен телохранитель. Вы.

Брови Рафаэля взметнулись на середину лба от удивления, а я подумала, что хорошо, что у него не только в драке есть реакции. Всё лучше и лучше.

– Почему я? – оторопел Раф.

– Потому что моей жизни угрожает опасность, а денег на нормальную охрану у меня нет... Я была так испугана. Рас-теряна. И вдруг вы... в метро... меня спасли... Один на се-мерых... – я подняла на него глаза и внезапно в его оше-ломлении, за нечёсаной бородой, за длинными кудрями, за бронёй из замызганного шарфа и чёрт знает скольколетней куртки, я увидела его, Рафа, настоящего, словно всё внеш-нее в фотошопе отодвинули на задний фон, и проявился он, самый красивый юноша на свете, звезда, спортсмен и вооб-ще самый-самый. И, кажется, моё сердце застучало громко, вырываясь из ушей и груди.

И я спросила с доверчивостью двенадцатилетней девчонки:

– А вы спасёте меня?

Глава 5

– Сенсей, мешки из угла тащить? – крикнул Азиф, мальчонка, которого я тренирую.

– Я сейчас подойду. Сложи пока остатки досок в углу, – ответил я и вернулся к девушке, которая, услышав, что я говорю на тюркском, ещё сильнее вытаращила глаза.

А они у неё и так были немаленькими. Просто два чёрных, как угольки, блюдца на пол лица. Ресницы пушистые хлоп-хлоп. Под стать блюдам. Я её узнал. Кнопка красивая, холёная. Вчера в метро смело бросилась драться за сумочку, хоть и кричала громче сирены. Вытянула меня из медитации. Пришлось встрять. Как она меня нашла? И зачем?

Девушка раскрыла рот очень беспомощно, моргнула и повторила:

– Постойте...

Смешная.

– Стою, – ответил я.

Вообще, конечно, странно. Женщины для меня как класс уже давно не существуют. По мере необходимости выполняют функции: продавец, контролёрша в метро и так далее. Просто существа на двух ногах. Как и я для них. Передвигаются мимо. И я мимо. Я так решил. Не обязательно уходить в монастырь, чтобы жить монахом.

Вопросы физиологии легко решаются тренировками до

потери пульса и самоконтролем. Где-то чуть больше двух лет назад я подумал, что я в гробу видал все разделения на течения и теперь занимаюсь одновременно помимо каратэ сётокан, которое с детства практикую, ещё дзюдо, дайто-рю и айкидо. По сути и даже исторически японские боевые искусства делить не правильно. Течений с нюансами много, устанешь перечислять, но все они в совокупности называются одним словом «будо». Я беру у мастеров и тренеров то, что мне нужно. Перевариваю и применяю. Молчу в ответ на все претензии. Я вообще предпочитаю молчать. Наговорился в своё время...

Не сразу, конечно, созрел. После того, как моя жизнь разделилась на «до и „после“» сначала просто шатался по секциям, чтобы забыться. Чтобы от боли в мышцах и усталости думать стало нечем. Даже какое-то время жил при спортивном клубе у ребят. Они понимали. Спарринг на татами, тренировка в додзё и всё, больше меня не трогать. Соревнования не предлагать. Разговоры тоже. Я словно «учи-дэши» в клубе, домовый. Как бы существую и как бы нет.

Это оказалось лекарством. Целый год после того как Таши не стало... прошёл в адовом тумане. Бухать пробовал, до алкокомы допился один раз. Все говорили: на, выпей, полегчает. Врали. Наутро становилось ещё отвратнее. Душа не просто болела, а липкой становилась. И траву пробовал. Тот же эффект. Потом не отмыться. Склизкий весь, вялый, как червяк. А в сердце болело ещё хуже.

Потом выяснил, что с пустотой можно мириться, сожительствовав даже. Когда перестаёшь сопротивляться, она тебя пускает внутрь. Или ты её. Главное только вовремя мозг обуздать, чтоб не крутила шарманка то, от чего не понятно, как дышать вообще.

Я нашёл верный способ: надо тело ушатать до того, чтобы падало. Свалиться и спать. Так что в некотором смысле мы даже с пустотой подружились. Я одиночка теперь, хватит с меня фальшивых друзей и корявого сочувствия. Обрыдло. Смысла нет ни в чём.

Прошлой весной я решил сам додзё³ построить своими руками. Зря, что ли участок в Саларьево пропадал? Денег на счетах хватило бы и на большее, чем стройматериалы. Так что я сам назначил себе строительство додзё, как аскезу.

Монахи в Тибете камни таскают, но там и без меня храмов завались. В Подмосковье «Тибет» ничуть не хуже. Зато потом можно будет тренироваться без ограничений. И убежище давать тем ребятам, кому надо. А я уже видел: много таких, как я, с пустотой внутри.

Азифа гнать не стал, смышлёный мальчишка и реакция отменная. Он увидел, как я летом тренировался разбивать кирпичи и доски ребром ладони. Пристал: научи. Я к нему привязался. У отца Азифа склады напротив. В общем, всё шло хорошо.

Дзенские мастера говорят: «Живи, сохраняя покой, цве-

³ Место для тренировок боевых искусств и медитаций (яп.)

ты распусятса сами». Пытаюсь. Но жизнь – забавная штука, только обретёшь условное спокойствие, а тебе верблюда на голову. Или вот такую взволнованную девицу. Стоит, ресницами взмахивает, пятнами покрывается. Кругленькая, не толстая, а наоборот, плавная вся, подчёркнуто женственная. Тёмные локоны. Щёчки, как у детишек, хоть трепи с умилением. Носик любопытный. Беспомощный. Красивая картинка. Натуральная насмешка над моим отношением к разделению полов.

– Я вас не поблагодарила вчера за спасение... – с придыханием произнесла «насмешка», пряча в глазах то ли панику, то ли восторг. – Вы правда меня спасли! В сумочке было всё, важные документы, деньги...

– Считайте поблагодарили, – буркнул я и развернулся к лесу.

Мне всё это не нужно. Никаких связей, отношений, ничего. Сегодня у меня в плане закончить с вагонкой.

И вдруг она зарыдала. Громко. С надрывом. У меня аж в груди передёрнуло, словно затвором щёлкнули. Чего это она? Пришлось вернуться.

– Спасите меня... – выдавила девушка, размазывая слёзы по щекам, и посмотрела так глазищами своими, что в груди снова что-то хрустнуло.

Ощущение странное, будто deja-vu. И это уже когда-то было. Вот так: я смотрю сверху вниз, она смотрит снизу-вверх нереальными огромными глазами. В душу куда-то.

Чёрт. Что ей ответить?!

Я телохранитель? Смешно, честное слово! Может, она не в своём уме? Месячные или что там?

А в пустоте – той, что в центре груди давно образовалась, что-то сжалось. Кольнуло. Ещё одна насмешка – только подумаешь, что готов ко всему, и твою защиту никому не пробить, и нате. Впрочем, это особенность женщин. У Таши тоже так получалось: взглядом трах-бах, губки надует, и всё, какой там мастер каратэ сётокан?

При мысли о Таше петля в пустой груди ощутилась чётче. Уже не так болезненно, как раньше, но мало приятного. Поймал на вдохе. Боль эволюционна, я знаю. Но всё. Не сейчас. Достаточно было.

«Да чего ж ты так смотришь на меня, девочка?! Нашла спасителя», – подумал я, а вслух хрипло произнёс:

– Что там за проблемы? Кто угрожает?

Она всхлипнула, умилительно вытерла нос платочком и сказала:

– Конкуренты...

Ох ты ж, боже ж мой.

– Вы поможете мне? – спросила она.

– Я вообще-то занят, – хмуро ответил я.

Чёрт, на мне свет клином сошёлся?! Не надо на меня так смотреть! Она снова пустилась в слёзы. Но теперь бесшумно. И такое настоящее в ней было горе, словно и у неё умер кто-то.

А вдруг не придумала?! И помочь некому?! Пустота в моей груди неприятно зашевелилась. А в голове отчего-то вспомнились слова тибетского мудреца Падмасамбхавы: «Увидишь дьявола, в рот ему ныряй». Всегда думал, что это про страхи. А сейчас понял, что очень боюсь того, что предлагает эта малышка, – не тех, кто ей угрожает – на риск мне плевать, с риском я давно в игры играю; а разговоров с ней и обычной жизни. Даже забор двухметровый построил вокруг будущего додзё. Отгородился.

Девушка горько опустила голову и развернулась, несчастная и очень маленькая. В шубке. Я себя почувствовал не монахом и не мастером будо, а извергом несусветным.

«Это ненадолго», – пообещал себе я и тронул её за плечо: – Погодите.

Он взглянула на меня с надеждой. В пустоте ухнуло, и я «нырнул в рот к дьяволу»:

– Ладно, можно попробовать.

* * *

Только подъезжая к Ленинскому проспекту, я поняла, что радоваться нечему. Я увязла во вранье по самые уши. Где брать опасность для жизни? А злобных конкурентов? Нет, конкуренты, конечно, были. Пруд пруди. Одни торговые от Тримм-Тиль-Бан с их агрессивным маркетингом и откатами, замаскированными под «ретро-бонусы», чего стоили! Но не

сражаться же за долю на нижней полке в молочном отделе с криком «кия» и двадцатью трупами в проходах супермаркета.

Жаль, что я не фотонные двигатели произвожу, чтобы быть единственной и чрезвычайно интересной для своей и вражеской разведки. А отступать ведь некуда...

Я приуныла. К папе не обратись, уж тут «куклой маленькой» не отделаешься за мои художества. Рейдерского захвата я сама не боюсь, кому я нужна со своими сырками? Налоговикам каратэ не страшно.

А завтра утром Раф придёт в офис. Надеюсь. И что я скажу? Что конкуренты испугались, уловив флюиды его присутствия? А клиенты точно испугаются, стоит им увидеть косматого человека в приёмной. Во что он хоть оденется?

Я поморщилась, понимая, что поступила, как совершенная дура. Помогать – это хорошо, и чувство от этого возвышенное – ещё лучше. У меня даже слёзы радости выступили, когда я села в машину, увозя с собой его обещание. В груди сердце прыгало от восторга, что получилось, что человек на самом деле не спился, хоть и не понятно, чем в лесу занимается. И Петьке дурацкому захотелось позвонить и рявкнуть в трубку: «Да не умер он! Не умер! Обломись!»

Я так счастлива была, что Раф всё-таки согласился, и не стала просить ни о чём большем, а вот теперь, колеся по Москве и по большей части стоя в пробках под зажигающимися огни, я снова окунулась в реальность. Вот он город де-

ловой, хваткий. Тут таких, как я, бизнесменов-предпринимателей, ловцов удачи на живца на каждом углу. Ошибки не прощаются. Мы все «понаехали» за большой олигархической мечтой в столицу. И за мной стоит очередь тех, кто против. К тому же реальнее всего реального мой кредит на развитие бизнеса. Его надо выплачивать и в горе, и в радости.

Я включила сигнал поворотника и поехала в офис. Устрою мозговой штурм сама с собой и с гуглом. От собственной дурноты меня слегка замутило. Такой у меня характер: прыгаю всегда с разбегу в омут головой, а потом думаю: а может, не надо было...

Остановившись в очередной пробке, я вспомнила карие глаза Рафа, и внутри что-то затеплело. Они мне добрыми показались. Очень. И грустными.

Я поняла: мне ничуть не стыдно за то, что я вру. Ну, явится он грязным, отчистим. Вылью кофе на него случайно и придётся покупать новую куртку. Если то, что под курткой менять надо, я и кастрюлю борща на него вылью. Или компота. Чтoб не обварить, но не отстирать. За углом есть магазин недорогой готовой одежды, куплю сразу после «теракта».

Пока же я просто не представляю, какой у него размер. Рафаэль не то, чтобы огромный на вид, он даже я бы сказала, худощавый, но не худой и слабый, рыхлый, какими бывают наплевавшие на себя люди. Наоборот, по ощущению неизвестный нынешний Рафаэль нависал надо мной и занимал всё пространство вокруг. Может быть, внутренней силой? Не

знаю.

Точно могу сказать, что рядом с ним я сама будто стала меньше и прозрачнее в два раза. А ещё безумно расстроилась, когда он сказал, что занят. И разревелась по-настоящему, уже без актёрского мастерства. Словно герой из моего детства сейчас уйдёт в лес и исчезнет, а перед этим потеряет всё человеческое. Не знаю, что на меня нашло. Отчаяние? Смущение? Да я не помню, когда смущалась в последний раз! Кто работал в продажах, краснеть не умеет. А в цирке видит обычные трудовые будни. Однако ж...

Я вошла в офис. Лидочка подскочила с отчётом о звонивших. И тут же ворвался следом за ней в кабинет снабженец Юрий Николаич.

– Любовь Валерьевна, тут у нас проблема наметилась, – сказал он озабоченно. – Частников из Подтёлково и Мартыново, у которых мы молоко скупали, переманили скупщики из Тримм-Тиль-Бана. Предложили зимой на рубль дороже за литр, а фермеры повелись. Забыли, что летом и за полцены им надои не продадут.

– А Ростошкино? – нахмурилась я.

– Думают...

– Тимашево?

– Половина ушла.

– Лапушкино?

– Пока наши.

Я нахмурилась и внимательно посмотрела на снабженца.

– Думаешь, информацию слили?

– Не исключено.

Мда, нет молока, нет сырков. Нет ручек, нет и пряников. Я сбросила шубу на кресло, на ходу закрутила распущенные волосы в гульку и скомандовала:

– Юрий Николаич, твоих снабженцев ко мне. Лида, отдел продаж и главбух тоже сюда. И юриста по скайпу соедини. Объявляю мозговой штурм.

Лидочка испуганно захлопала ресницами. Да, в таком настроении меня обычно боятся.

Не буди лихо, пока оно тихо. И желай осторожно, а то желания выполняются в полном объёме. Даже если ты настроена только на плюс, минус непременно приложится. В довершение. Накаркала... Сколько будет стоить мне желание помочь и огненный взгляд Рафа?

* * *

– Другие мне не подходят, – рычала я. – Я лично проверяла тех, у кого молоко вкусное, и чтобы травами пахло, а не коровой немойтой.

– Но Любовь Алексеевна, Любочка, – начал было Вася из снабжения.

– Любочка в короткой юбочке, а я тебе директор, – рявкнула я. – Мне «но» не нужны, мне нужны решения!

– Надо бы чуть больше времени, – пробормотал Юрий Ни-

колаич. – Такие вопросы вот так, с кондачка не решаются.

– Нет у нас времени, – отрезала я. – Мы не шины резиновые продаём. Что мы можем предложить фермерам, чтобы они вернулись? Давайте, – похлопала я в ладоши. – Самые смелые и дурные решения приветствуются.

– Перебить цену, – сказала Ася из продаж.

– Пустить страшные слухи о Тримм-Тиль-Бан, – пожал плечами Юрий Николаич.

– Подмазать руководство в деревне. И заставить всех централизованно сдавать нам, – вставил Вася.

– Ага, и отстреливать всех, кто против, – пискнула Лидочка.

– Твой дедушка не Сталин? – изогнул бровь Вася.

– Пообещать всех свозить на Мальдивы, – мечтательно произнесла Марина Андреевна, наша пухлая, как сдобная булочка, бухгалтерша, униженная браслетами и бусами, словно праздничный жезл шамана.

– За ваш счёт, – хмыкнул Вася, и она испугалась, аж бусами звякнула. – Лучше пожаловаться на Тримм-Тиль-Бан в «Россельхознадзор».

– Голой пяткой на Титаник, – засопела Ася.

– Допустим, пожаловаться. А на что? Сказать, «Ай-яй-яй, меня плохие большие дяди обижают»? – поморщилась я, потёрла нос и обрадовалась. – Так, а «большие дяди» действительно плохие!

Все взгляды устремились на меня.

– Мы не будем брать в расчёт устную договорённость по разделу территории, – подняла я палец. – Но мы точно знаем, что большие компании платят долго, неохотно, у них повышенные требования к документации и ещё большие просрочки по платежам. Совсем недавно они же шумиху подняли по поводу удорожания молочки из-за ввода электронных «ветеринарных сертификатов», но на деле это фигня вопрос.

– Они просто разоряют мелких конкурентов по скупке молока, чуть повышая цену, – сказал Олег Иванович с экрана Скайпа, наш лысоватый, полный, похожий на отличника-переростка юрист.

– А когда разорят и останутся фактически монополистами в этом сегменте рынка, по крайней мере в Москве и Подмосковье, – вздохнул Юрий Николаевич, мусоля рукава своего любимого тёмно-синего свитера, в котором, наверное, ещё в институт ходил, – они снизят цену до летнего уровня. И вот тогда наши фермеры взвоют.

– Золотые слова! – кивнула я. – Они регулярно воют, что летом им хоть по миру иди. Кредиты выплачивать надо, а цены закупок не окупаются. Молоко киснет быстро. И вообще основная надежда на зиму.

– Да, вот и Хорьков, наш герой фермерского труда из Подтёлково, – сказал Вася, – пару недель назад жаловался, что в их жизни нет никакой стабильности! Сына в армию забирают, дочке поступать, ветеринарные службы как к себе домой повадились...

Я аж подпрыгнула.

– Товарищи! Ребята! Вот оно! Я тысячу лет об этом думала, а теперь пора созреть, – воскликнула я. – Все люди хотят чего? Стабильности! Знать, что завтра будет такой же кусок хлеба с маслом, сёмгой сверху и листиком петрушечки! А не сегодня сёмга и Хенесси, а завтра овсянка и чайный пакетик пять раз заваривать. Мы предложим нашим фермерам контракт с постоянной, круглогодичной ценой на молоко! Соответственно, при условии эксклюзивности продаж нам. Сделайте типовой договор на эксклюзивность, Олег Иванович!

Тот кивнул.

– Только срочно. Марина Андреевна, посчитайте идеальную среднегодовую цену за литр, – ткнула я пальцем, как Родина-мать, в нашу бухгалтершу. – Это первостепенно.

Пять мелких кивков в ответ. Ручка в зубы, калькулятор в руки. Щёлк-щёлк, – зацокала она наращенным маникюром по чёрным клавишам выдавшего вида «Ситизена».

– И ты прав, Вася, про руководство, – продолжила я, поймав ту любимую волну азарта, когда мне становится море по колено, а лес по пояс. На таком подъёме со мной и чудеса случаются: в смысле чиновники взяток не просят, а сотрудники ГИБДД не штрафуют, лишь слегка журят. – Завтра сама поеду в Подтёлково. Их глава падок до красивых глаз.

– Опасно это, Любовь Алексеевна, – поёжился Юрий Николаич.

Со словом «опасно» в моей душе бряцнул аккорд на ба-

сах, но вместо привычного «Так судьба стучится в дверь» из Симфонии номер 5⁴, в голове зазвучало интро к Джеймсу Бонду. «Опасно» в данной жизненной ситуации – это именно то, что нужно!

– Прочитал в новостях на днях, что в Новосибирске застрелили одного скупщика молока, который с таким же новшеством пытался влезть на местный рынок, – проговорил хмуро Юрий Николаевич. – Местные же скупщики и замочили. Нашли потом правоохранительные органы его Порше Кайен, и самого парня с черепом проломленным. Сволочи избили, а потом для верности приставили пистолет к виску и поминай, как звали.

– Так за что убили-то? – ахнула Ася.

– За то, что хотел покупать молочку у селян подороже. И по регулярной цене, – объяснил наш уныло-главный снабженец. – Конкуренты-перекупщики.

Мороз продрал меня по коже. Бетховенская «Судьба» всё-таки постучала мне по вискам глухими молоточками. Убили! Да, я знаю, что бизнес – это жёстко, но вот чтобы настолько – прямо чересчур. Я сглотнула холодную слюну.

«Врёте, меня так не взять!» – подумалось мне. И при этом в душе что-то шаловливо ёкнуло, потирая ручонки. Наверное, это было то же самое, что меня в детстве заставляло с мальчишками в казаки-разбойники играть и обставлять всех из-за хитрости. Или побеждать братьев двоюродных, когда

⁴ Имеется в виду Симфония Л.В. Бетховена.

мы в медведей играли.

Есть оно во мне – такое мелкое, вредное и признающее только победу. Я его называю: злобный гном, моё альтер-эго. Потому после наших медвежьих битв победитель оставался только один – я. Иногда даже с обиженными криками Ванька и Пашка бежали за помощью: «Мама, мама, нас Люба побила». А моя тётя Таня только удивлялась, как я, ниже их обоих на голову, могла их побить. Девочка.

Так же радовался мой «гном», когда я начальнику на прошлой работе нос утёрла перед всеми. Сначала гном строил злобные планы по выведению гада-босса, спёршего мои идеи, на чистую воду, а потом, конечно, радовался. О, то был час триумфа! До сих пор мстительно ухмыляюсь...

Теперь же коварный гном внутри меня потёр ручонки: опасность – то, что мне нужно! Потому что у меня уже есть телохранитель! Ведь именно с мыслью, где найти задницу на свою голову, я ехала на работу сегодня. А ещё, – зашёлся в гомерическом подхихикиванье злобный гном, – моя интуиция может теперь считаться отдельным товаром на вес золота.

Наванговала я охранника очень к месту! Или мне судьба такой подарок устроила, даже не знаю...

– Я не боюсь подобных раскладов, – заявила я, распрямляя плечи. – Всю ответственность беру на себя. И начнём с Подтёлково. Завтра утром.

Сотрудники посмотрели на меня с испугом и благоговени-

ем. Чёрт, а приятно быть Суворовым. Ничего, дорогие мои, я вас и через Альпы переведу, и Москву-реку всю зигзагами туда-сюда переплывём.

– Может, не надо, Люба? Может, лучше других поставщиков найдём? – спросила Лидочка.

– Надо, Лида, надо! – голосом советского героя Шурика твёрдо заявила я. – Решение принято. Давайте обсудим детали.

Юрий Николаевич закашлялся, Вася заскрежетал ножками стула, придвигаясь к столу переговоров; Марина Андреевна моргнула и чуть не проглотила карандаш; Ася крикнула.

За работу, оглоеды! Зато никому завтра не придётся врать, зачем мне нужен телохранитель.

* * *

Всё закрутилось: цифры, калькуляторы, телефонные звонки, кофе бочками. Люблю такой ажиотаж! Правда вечером пришла домой никакая. Завела будильник и вырубилась без задних ног. Утром проснулась, как с бодуна, – в зеркало страшно посмотреть. На голове словно бешеный трактор озимые вспахивал.

Интересно, что я делаю головой ночью? Есть даже мысль установить скрытую камеру и заснять. Может, тогда я пойму, почему волосы утром всегда дыбом? Хотя страшновато.

Вдруг после этого моя жизнь никогда не будет прежней...

Под глазами тоже было не для слабонервных, пришлось под душ и потом замазывать-замазывать консилером следы офисных битв и штурмов мозга. Это только в кино бизнес-леди просыпаются уже намакияженные, свежие и красивые, аки цветочек, а в жизни приходится быстро тональным, румянами, тенями и пудрой переписывать на своём лице фильм-ужасов в романтическую мелодраму.

Сегодня ехать в Подтёлково – вывозить бизнес на личной харизме и смелом предложении. Сегодня придёт Раф... По рукам забегали мурашки. Ничего, справимся! Со всем справимся. Помоги, Господи!

В восемь я была уже в офисе. Сонная Лидочка возилась с чайником и, кажется, планировала, обняв его, задремать сверху. Я её подбодрила, шлёпнув папкой по попе. Вошла в кабинет, открыла окно – впустить в офисную пыль свежий воздух. И вдруг в дверь постучались. Робко, совсем не как обычно вскользнула в мой кабинет Лидочка.

– К тебе, к вам посетитель.

– Да? – обернулась я. – Пусть войдёт.

– Тако-ой посетитель, – с придыханием добавила Лидочка. – Просто та-акой... Говорит, назначено.

У меня сердце замерло.

– Пусть уже входит! Лида, окстись! – повысила я голос, взяв себя в руки.

Лида открыла дверь и как-то по-кошачьи вышла, пытаюсь

удерживать ручку.

– Проходите, пожалуйста. – И голос у неё стал какой-то кошачий, с мурчащей хрипотцой.

Я подняла глаза на посетителя и поняла, что сама готова превратиться в представителя семейства кошачьих, внутри меня потеплело и завибрировало, сладкое и волнующее.

Это был Раф. Не бомж. Рафаэль Гарсия-Гомес в полной красе. Коротко стриженный, чисто выбритый, невероятно красивый испанский идалго в коротком пальто, наброшенном на элегантный тёмный костюм. Он вошёл с грацией хищника и сказал:

– Доброе утро, Любовь!

У меня пересохло в горле: что конкретно он имеет в виду?

* * *

Стоп! – сказала я себе в следующую секунду. – Прекрати, Люба! Это всё задумано ради спасения человека, а не для чего-то там такого... Ну и что, что человек красивый?! И мачо бывает плохо!

Правда, учитывая наличие подобной одежды, в мою душу закрались сомнения, а нужна ли ему помощь в том виде, в каком придумала её я? Одного взгляда на полуспортивного кроя чёрное короткое пальто из мягкого кашемира хватило, чтобы понять, что на подкладке внутри нашита очень крутая бирка. И костюм... Хм. В горле стало ещё суше, и ощущение

появилось дурацкое. Если у него есть такое, зачем он ходил грязный и заросший, как бомж? Господи, ничего не понятно! Но нельзя быть на свете красивым таким! Это опасно! Для здоровья и психики рядом находящихся женщин.

Раф кашлянул, и я вернулась к реальности.

– Здравствуйте. Извините, я немного растерялась, – заговорила я, – вчера вы выглядели несколько иначе, поэтому я не сразу вас узнала. Разительная перемена. Присаживайтесь, пожалуйста.

Я повернулась к окну, якобы чтобы прикрыть створку, а на деле мне просто нужно было ещё несколько мгновений, чтобы унять колотящееся сердце и перестать говорить дурным голосом. Будь он хоть Гарун-аль-Рашид под прикрытием или принц эльфов, нельзя терять достоинство и самообладание! Мне больше не двенадцать лет, чтобы смотреть влюблёнными глазами на парня и тайком вздыхать. К тому же реальность складывается так, что в ближайшие пару месяцев, а может, и больше мне действительно понадобится защита.

– Я хочу знать детали, Любовь, – сказал Раф совершенно по-деловому.

От его густого, с лёгкой хрипотцой баритона у меня снова поползли мурашки по рукам. Надо его обратно попросить бороду отрастить и не расчёсываться. Я сделала лицо надтреснутым кирпичом, притворяясь испуганной, но в целом вполне себе бизнес-леди.

– Очень рада, что вы пришли!

– Я обещал, – сказал он, как будто все, кто обещают, хранят слово.

В кабинет сунулась Лидочка. Остренький носик излучал неприличное любопытство. На губах как волшебству появилась призывная красная помада.

– Любовь Алексеевна, я тут чаёчку...

Я посмотрела на неё строго, а затем спросила у Рафа:

– Хотите чаю, кофе, воды?

– Нет, спасибо.

Он обернулся на мою помощницу, и ту аж повело. Придушу.

– А шоколадку или печенье? У нас даже молоко есть. И виски. И весь ассортимент шоколадных сырков, – не унималась Лидия.

– Благодарю, я не голоден.

– Лида, дверь, пожалуйста, закрой, – приказала я. – С той стороны.

Помощница скрылась. Кажется, придётся с ней беседовать о корпоративной этике и чётко обозначить границы. В крайнем случае – прикончить. И взять на должность помощника козлобородого профессора на пенсии, чтоб уж наверняка не зарился.

Я протянула Рафаэлю распечатку об истории Новосибирского скупщика молока, которую мне принёс вчера Юрий Николаевич.

– Ситуация у меня складывается почти аналогичная. Мы

– компания небольшая, но активно развивающаяся. «Творожное солнышко» выпускает пять наименований творожных сырков в шоколаде на одной производственной линии. В сутки выработка составляет полторы тонны продукции, хотя в прошлом месяце мы дали две и планируем разрастаться. Склад-холодильник у нас есть, но мне нужен более удобный и просторный. Как раз в Саларьево. На линии работает посменно десять человек, на складе пять, плюс охрана. Мы также сами изготавливаем обёртку.

Раф кивнул и посмотрел с внимательным прищуром:

– Вчера вы сказали, что у вас нет денег даже на телохранителя.

Меня слегка передёрнуло. Нет, конечно, неприятно, когда ловят на лжи. Но ведь ради него же и было задумано! И я ответила чуть обиженно:

– Да, сказала. Так и есть. Бизнес я открыла на свой страх и риск. Всё в кредит. А вы посчитайте, сколько идёт на зарплату, аренду, сырьё, взятки и сертификаты! И налоги ещё, налоги не забудьте! Что получается?

– В зависимости от вашей прибыли, – усмехнулся Раф. – И любви к искусству.

На днях по телевизору одна известная ведущая заявила, что умный, богатый, красивый, любящий и сильный мужчина – это пять разных человек. По этой логике в моём кресле для посетителей сидело сразу три человека. По меньшей мере. Но лучше б умный сегодня не приходил, выкручивать-

ся трудно. Пришлось сделать вид, что я дура, незнакомая со словом «сарказм», и продолжить:

– О конкурентах. Крупные компании, в данном случае Тримм-Тиль-Бан, которую выкупил ещё более крупный международный монстр, действуют в нашем сегменте так же, как гипермаркеты на районе – планомерно всех выживают. Мы должны как-то парировать, чтобы остаться на плаву. Но даже если дело и не в них, то остальные местные скупщики молока настолько не рады тому, что я предлагаю всем фермерам стабильную цену закупки надоев круглогодично при условии эксклюзивности, что запаслись битами.

– Есть доказательства угроз? – спросил Раф уже без усмешки. Его взгляд стал сухим и опасным, как у военного при рекогносцировке.

– Нет, пока всё только устно и анонимно. Но, – я многозначительно глянула на распечатку криминального происшествия, – я боюсь. Очень.

Раф внимательно пробежался глазами по статье и поджал губы.

– Возможно не безосновательно. В Подмосковье аналогичные случаи были?

– Нет, – вздохнула я. – Известно, что в конце октября одна фермерская семья в Лапушкино пропала. И я не знаю, было ли совпадением то нападение на меня в метро. Сначала не состоялась встреча, сломалась машина, не приехало такси, потом эти ужасные парни...

– Таких много, – взглянул на меня Раф.

– Да, но учитывая все эти бои за молоко, уже и случайное нападение не кажется простым инцидентом.

– Понял. И сколько, на ваш взгляд продлится опасная ситуация?

– Пока все не привыкнут. Два-три месяца. Может, немного больше. Как правило, кризис имеет обыкновение рассасываться.

– Резонно.

– Я могу вас оформить официально на работу, по трудовой или с договором подряда.

– У вас серьёзный подход, – вновь усмехнулся Раф.

И я опять смутилась. Удивительно, другого бы уже за пояс заткнула, а тут робею...

Но Рафаэль протянул мне паспорт и равнодушно произнёс:

– Пусть будет временный трудовой договор, хотя по сути мне всё равно. Сделайте на месяц. С пролонгацией по мере необходимости.

– Хорошо. – Я потянула к себе документ в обложке из крокодильей кожи.

Голова слегка закружилась. Всё-таки на реальность происходящее было слишком мало похоже. Я начальник Рафаэля Гарсия-Гомеса?! Кажется, я перепила на досуге шампанского и заснула, а шальные пузырьки ещё шастают по моей крови, обеспечивая галлюцинации.

Я раскрыла паспорт. Правда он – тот самый из детства. Как в бурные школьные годы захотелось свистнуть фотографию. О, теперь я знаю дату его рождения. Прописка? Пречистенка?! О, погодите-ка, а это не тот комплекс апартаментов де люкс?! Ну, хоть не Охотный ряд, дом один⁵. Я моргнула: передо мной был, наверное, самый элитный бомж Москвы. В голове вновь возникла сумятица и какофония. В неё врезался сексуальный голос Рафа:

– А почему вы пошли на риск? Почему не закупать сырьё в другом месте?

– Но ведь это же молоко вкусное! – воскликнула я, ещё растерянная и оттого совершенно искренняя. – Не разбавленное! Таких хозяйств наперечёт в регионе, я по пальцам могу пересчитать! Я хочу, чтобы мои сырки были самыми вкусными, а какими они будут на отвратительном молоке?

– Ясно, – кивнул Раф и вдруг добавил: – Люблю молоко.

У меня снова в душе стало тепло и мягко. Кажется, взрослый мужчина, который любит молоко, должен быть добрым. Или мне только кажется? И вообще какая разница? Может, он на самом деле голодный, просто держит высоко поднятой голову, потому что скромный, обнищавший, но гордый герой, а все эти шмотки просто после другой жизни остались? И прописка – ещё не значит наличие ключей от квартиры. Кто знает, где и как он сейчас живёт... И я спросила почти ласково:

⁵ Адрес Государственной Думы.

– Хотите? У меня есть.

Он пожал плечами, а я метнулась к холодильнику. Закон «Накорми мужчину, а потом всё остальное» никто не отменял! Я налила домашнего молочка в высокий стакан, разложила мои сырки на большой белой тарелке с одной стороны, имбирное печенье – с другой. Живописно вышло, хоть на мем в вк «С Добрым утром» и сердечками присыпать.

Поставила перед ним.

– Спасибо, – произнёс Раф и, несмотря на всю свою загадочность, потянулся за сырком.

Мой же ты идальго! Красавец-не красавец, а кушать хочет... Умилилась. А потом вздохнула.

– Мне сегодня как раз в Подтёлково на переговоры с фермерами и местным главой надо ехать. И одной это очень опасно.

– Ну, я тут, – ответил Раф и съел ещё одну печенюку.

Счастье залило меня по горло, как будто я сама это печенье пекла, зерно молотила, хлеб убирала, муку молола. В общем, почувствовала себя умницей.

– Когда выезжаем? – спросил он.

Нет, честное слово, жгучий конкистадор с тонкой линией молочных усиков над чертовски сексуальными губами, это чересчур для моей истосковавшейся по мужскому теплу натуры!

– Сейчас... – тихо сказала я.

Он вытер платком молочный след и встал.

– Едемте.

Раф оказался совсем рядом, а у меня внутри всё обмякло до слабости в ногах и головокружения. Он собирается рисковать ради меня жизнью? Вот так просто и без обиняков? Не верилось, не клеилось, просто не могло быть правдой. И я, балда, собираюсь его подставлять под опасность?! Ничего себе спасение! Я подняла на него расширенные глаза. Раф посмотрел на меня с высоты своего роста. И вдруг сказал:

– Любовь, а мы раньше с вами нигде не встречались?

Глава 6

Меня снова посетило странное дежа-вю. Я её точно где-то видел раньше.

– Любовь, а мы с вами нигде не встречались? – спросил я.

Кнопка моргнула.

– Кажется, мы учились с вами в одной школе. Только я младше. Вы ведь из Ярославля?

– Да. Как вы меня запомнили? – удивился я.

Она чуть помялась.

– У вас имя нетипичное.

– А, ну это да, – усмехнулся я. – Мы едем?

– Да-да, конечно. Сегодня в планах поездка в Подтёлково, и если успеем, Тимашево. Там между деревнями километров сорок, – спохватилась Кнопка и вмиг стала деловой, как колбаса, собирая документы в элегантный дамский портфельчик. Вдруг резко встала и спросила, явно волнуясь: – А оклад? Мы с вами не обсудили оклад. Сколько я должна вам заплатить?

Мне стало на мгновение забавно: сколько она там может со своими кредитами!

– Вы платить сырками собираетесь?

– Вы тоже их любите? – с придыханием спросила она. – Правда, вкусные? Но у них срок годности короткий...

Смешная.

– Я уж лучше молоком буду брать.

– А если серьёзно?

– Сколько не жалко, – усмехнулся я. С нынешним уровнем расходов уже имеющихся накоплений мне хватит до конца жизни. Жаль, наследников нет. Хотя зачем мне дети? Это раньше очень хотелось. Только Таша всё не была готова, говорила: «Давай поживём для себя». Как чувствовала...

Сердце сжалось, и я снова перевёл взгляд на Кнопку со стены, выкрашенный в персиковый, под цвет её щёчек.

– А вдруг я жадная? – спросила она с хорошей такой улыбкой.

– Ладно, пусть будет десять тысяч.

– Нет, что вы! – разрозовелась она. – Я, конечно, жадная, но не настолько. Двадцать вас устроит?

– Пятнадцать. И молоко за вредность, – ответил я.

Кнопка моргнула. Я добавил строго:

– Каждый день.

– Хорошо, – тихо ответила она. Быстро заполнила мои данные в пустые строчки договора и протянула его мне. – Подпишите, пожалуйста, Рафаэль.

Мне стало ещё смешнее: эх, начальница! Знала бы она!

Я решил воспринять помощь ей как ретрит – временное задание для самого себя. Проверка на вшивость. Для саморазвития полезно выходить из зоны комфорта. Наверное, я слишком долго был за стенами, которые выстроил от мира сам, поэтому мир и постучался ко мне с надрывным плачем и

нестандартным предложением этой Кнопки. Руми⁶ говорит: «Будь лампой, или спасательной шлюпкой, или лестницей... Выйди из дома так, словно ты пастух». Я оставил короткий росчерк, отметив, что не делал этого уже приличное количество лет. Я сделаю своё дело, просто проверю себя и снова уйду. Всё это приключение ненадолго.

Кнопка взяла договор, посмотрела на роспись и чуть слышно запыхтела. Нет, начальницей ей мне не быть. Это игра. Начальников с меня хватит на всю жизнь.

Она набросила шубку. Я надел пальто и пошёл за ней. Секретарша посмотрела на меня с вожделением, встала из-за стола и с пошлой улыбкой подошла к столику с чайником, демонстрируя мне короткую юбку и худые ноги. Бесят такие, если честно. Мне не нравится, когда женщина предлагает сама себя. Даже вот так, без слов, но откровенно. Нет, стоп, спокойно, вдох-выдох. Наблюдаю за собственным раздражением со стороны.

– Рафаэль, вы не против, если мы будем общаться без отчеств для краткости? – спросила моя новая работодательница.

– Да. Чтобы короче, можно просто Раф, – ответил я, переключив всё внимание на деловитую Кнопку.

Мы прошли к её машине. Кнопка села за руль, я устроился на пассажирском сиденье. Непривычно тесные габариты. Раньше я всегда водил сам. И не такое. Но уже три года за

⁶ Выдающийся персидский поэт-суфий.

руль не садился. С тех пор.

Кнопка вела сосредоточенно, словно только дорога и существовала. Губки надула, вид серьёзный. Сразу ясно – человек делом занят, не хухры-мухры. А я от нечего делать наблюдал за ней. Было в Кнопке что-то притягательное. Даже интересно, как в ней сочетается красота, достоинство и неуловимая забавность. Последнего больше всего. Аж на улыбку тянет. Кстати, даже и не помню, когда я улыбался в последний раз, а тут пожалуйста – губы сами растягиваются... Совсем чуть-чуть, будто знакомое лицо увидел из детства.

– Вы, наверное, в младших классах учились, когда я школу заканчивал? – спросил я, когда мы выехали на трассу.

– На четыре года младше.

– Я думал больше.

– Я качественно притворяюсь, – сказала она. – На самом деле мне уже двадцать семь.

Кнопка расцвела и так на меня взглянула, что в моей давно пустой груди потеплело. Приятно.

* * *

Я заставляла себя смотреть на дорогу, а не на Рафа, и уже корила за то, что затеяла всю эту котовасию. Точнее, с одной стороны, я чувствовала совершенно дурную подростковую радость – ту самую, когда сердце бьётся от волнения,

ладони потеют, гормоны скачут, а самой хочется взвизгнуть и оторвать кусочек одежды от кумира или кинуться ему на грудь, сфоткаться на память, а потом хвастаться подружкам до скончания веков. С другой стороны, меня одолело полное замешательство: я его стеснялась. Сильно. Робела, смущалась от слегка подёрнутой сарказмом улыбки, почти усмешки, застывшей на губах. Боялась сказать не то, хотя уже сморозила. Подумать только, я предложила ему зарплату сырками! Он же решит, что я полная идиотка! По сути, так оно и есть. Он даже денег не стал с меня брать особо, как с придурочной. Представляю, что он думает о моих предпринимательских способностях...

Когда он сказал, что решил, что я младше, хотелось признать это абсолютной правдой, ведь по ощущению, между нами было не четыре года, а, по меньшей мере, лет десять разницы. Или двадцать.

Счастьем Раф не лучился. Однако теперь было странно предположить, что ему требуется помощь – скоси глаза, увидишь великолепного, полного чем-то глубоким и непонятным мужчину. Бомж?! Господи, как я вообще могла такое подумать! Нет, просто бесчеловечно было с его стороны настолько преобразиться за одну ночь! Верните срочно бороду и космы, и куртку с обрезанными перчатками, иначе я за себя не ручаюсь!

Но, главное, как переговоры проводить в таком состоянии?! Я должна быть убедительна, обаятельна и вообще звез-

да... А не он – звезда, а я ослик в шубе. И как же теперь себя вести?!

Я предпочла молчать на всякий случай и набираться духа. Мне он был нужен – фермеры – народ ушлый, и у каждого свой характер, своя корысть и у многих простая сермяжная мудрость, которую не особо проведёшь.

Хорошо, что и Раф был не сильно разговорчив. Но даже молчал он так таинственно и уверенно, что я казалась себе маленькой и глупой. Влад при всей его импозантности не излучал из себя и сотую долю неподдельной мужественности и спокойной силы, какая исходила от Рафаэля. Одного его присутствия в салоне Феденьки хватало, чтобы я чувствовала, как горят щёки, и мысленно била себя по пальцам и заклеивала невидимым скотчем себе рот, чтобы не предложить вместо деловой поездки остановиться в одном из уютных кафе по дороге.

Я любопытная, многие из них уже изучила. Можно было бы позавтракать вон в том ресторане в Архангельском, в «Авиаторе», заказать такие вкусные десерты и корейские пельмени, поговорить или помолчать, а потом погулять по парку, утонув в романтизме усадьбы, аллей и беседок. Сдержалась. Воля не подвела.

А потом, когда мы проезжали лес с высокими елями, я представилась себе Белоснежкой, которую должен был спасти принц ещё до того, как разгуляются гномы и придётся впасть в летаргический сон в хрустальном гробу. Тяну-

ло оставить Феденьку на обочине и побежать в заснеженную чащу, спрятаться, и чтобы Раф меня нашёл в густых еловых лапах, румяную, улыбчивую, как наливное яблочко. На наши темноволосые головы упал бы снег с верхних более тонких веток, потревоженных сорокой, Раф обнял бы меня, смеясь, и... Тут я поймала себя на невозможном и закашлялась. Пришлось на самом деле притормозить и подъехать к обочине.

– Что с вами? – обеспокоенно взглянул на меня Рафаэль.

Я ещё раз кашлянула и с шумом выдохнула, стараясь не смотреть на него:

– Воздухом поперхнулась. Вдохнула неудачно.

– Точно?

Он издевается, что ли?!

Я взяла себя в руки, натянула, почти как Фантомас, резиновую маску бизнес-леди и кивнула:

– Да.

Сцепила зубы, взялась за руль и, усиленно медитируя на надои, цены и конкурентов, отжала педаль газа. Мы едем по делу. Осторожно, дорожные работы ведут – вон знаков понаставили. Где-нибудь прячутся, как подарки в кустах, гибдэшники с волшебными палочками, чтоб наколядовать домой стол покраше на Новый год.

Я стала серьёзной. Мысли о ценах помогали. Но всё равно сквозь специально проговариваемые посулы фермерам пробивалась, как свет сквозь щели в плотно закрытых жалюзи,

мысль: «Ты влюбилась! Ты снова в него влюбилась! Нельзя, глупая, нельзя! Кто знает, что и как прячется под его внешностью!» Тут же в ответ себе: «А почему нет? Ну, почему?...». «Потому что ты не для этого заманила его к себе. И вообще не потому. У него трагедия. Жена погибла. И так нечестно. А тебя могут пристукнуть в машине с твоими идеями. И вообще ты его начальник по временному договору подряда с пролонгацией.

Подумаешь, писанный красавец с огненными глазами и волокой тайны в тени ресниц! Он к тебе интереса не проявлял, ты сама навязалась. Так что ещё акт выполненных работ подпиши с заключением: влюбил в себя качественно, до полного отупения работодателя». Стоп! Надо дышать и думать о работе. О сырках и молоке. Кредитах. Бррр...

О, кредиты отрезвляют! Помогло! И ум закрутил свою шарманку: надои, заберём оптом, договор об эксклюзивности, это вам выгодно, потому что у нас всё по-человечески, с любовью к людям...

Стоп, слово «любовь» не говорить! Запрещено, только в качестве имени можно. Скрываем тщательнее. Он ничего не должен заподозрить! Я же видела, как он на Лидочку, попой виляющую, посмотрел. Во взгляде читалось откровенное «фу». Нет, только на меня так не надо! Ему девчонки-приставалы, наверное, ещё в школе надоели. И я не покажу ничем, что он мне...

Всё, даю установку: я – его директор, он – мой телохра-

нитель. Кто кого спасает, кажется, уже не важно... Главное, есть печать, дата и подпись! У меня хорошая, большая сила воли. И выдержка. Я спокойно повернулась к Рафаэлю и сказала:

– Следите, пожалуйста, за указателями. Перед Подтёлково будет неудобная развилка, и указатель прикрывают ели. Я могу случайно проехать.

– Хорошо, – ответил он.

Фух...

Глава 7

– Подождите меня у машины, пожалуйста, – сказала Кнопка, убирая прядь волос за ухо.

– Сложно охранять на расстоянии, – усмехнулся я. – А телепорт я ещё не освоил.

– Здесь ничего страшного не случится, – заверила меня она, кивнула важно и, подхватив портфельчик, направилась к сельской администрации.

Меня вдруг посетило ощущение недосказанности и какой-то странной аферы. Словно помимо молочных конкурентов и жадных до прибыли фермеров витало между строк что-то ещё. Что? Не знаю.

Но шла моя «подзащитная» Любовь Соколова от машины, явно забыв про необходимость бояться. Весьма уверенно и целеустремлённо – так заявляют официальные представители или адвокаты на переговоры скучные, обыденные, а не на те, где противники сидят в окопе напротив с гранатой в зубах. Может, хорошо себя держит в руках? Тогда похвально. И всё же. Присмотрюсь-ка я повнимательнее к мадемуазель Любви Алексеевне.

Когда она вчера плакала передо мной и застала беспомощностью врасплох, я бы и представить не мог её вот такой: сосредоточенной маленькой хищницей. Отнюдь не домашней кошкой. А камышовой. Или рысью, готовой к охоте. Кажет-

ся, Кнопка не так проста. Хотя, конечно, искренняя улыбка и ямочки на щеках подкупают. Но мне ли не знать, сколь обманчивой бывает внешность...

Неприятные воспоминания царапнули душу, как вилкой по пустой тарелке. Я поморщился и принялся осматривать окрестности. Что у нас тут? Сразу же усмехнулся себе под нос: надо же отрабатывать «великие деньги»!

Ничего особенного вокруг не было: обычная подмосковная деревня, среднестатистическое сельпо из красного кирпича, второе, заколоченное, заледеневший трактор, заборы, намёк на дорогу, присыпанную снегом. Мимо трактора прошла толстая баба в валенках на босу ногу, в халате и красной выцветшей и выдавшей доперестроечные времена куртке. Баба покосилась на меня и машину и зашла в сельпо. За ней другая, худющая в искусственной шубе. Тоже покосилась.

Сейчас начну икать: перетрут все кости, даже до сухожилий доберутся. Я засунул руки в карманы, опёрся о капот пародии на внедорожник. Раньше я не любил ждать, теперь плевать. Небо за городом перестало быть серым и пронизывало сердце до глубины прозрачной на солнце лазурью. Нагие берёзы стыли и подрагивали тонкими, как волосы, ветками. Прямо, как у Есенина:

«Белая берёза

Под моим окном

*Принакрылась снегом,
Точно серебром...⁷»*

От воспоминания о Есенине завьюжилась издалека тоска. Таша обожала его поэзию, пыталась романс сочинить, но выходило не очень. Фальшивые разрешения аккордов меня раздражали. Один раз я даже не сдержался, наворчал на неё. Таша обиделась. А я не понял. Мне тогда всё хотелось подальше от холода, в буйные краски Азии. Жара мне нравилась больше. Теперь холод всегда со мной. Обручился.

С удивлением констатировал, что думаю об этом отстраненно. Какое-то время назад я был одной сплошной фантомной болью. Надо же! Привык.

К администрации подъехал чёрный Мерс. Плотный мужик в полосатом свитере, джинсах и шапке-ушанке вывалился на мороз, похлопал ладонями по карманам. Звякнул сигнализацией, и обернулся на меня.

– Едрить, Раф?! – воскликнул он.

Я выпрямился, ошеломлённый, и со второго взгляда признал за пышными усами скрывающиеся черты старого знакомого – Андрея Сёмина. А его какими ветрами сюда надуло?!

С Сёминым мы впервые встретились больше десяти лет назад. Я ещё пацаном зелёным, сразу после университета, работал на побегушках при посольстве в Узбекистане. Очень при этом гордился собой. Круче были только горные хребты

⁷ Стихотворение «Берёза».

Тянь-Шаня. Нас с послом занесло в Андижан в тот самый злосчастный день, когда военные расстреливали толпу. Там, конечно, не только мирные демонстранты были и пахло очередной цветной революцией.

Мы с послом и парой чиновников оказались заблокированы в здании муниципалитета теми, кто намеренно устроил хаос. Сёмин появился, как джин из бутылки, откуда-то из полуподвального помещения. «Надо выбирать, дело дрянь», – сказал он. И тогдагодились мои спортивные навыки и его опыт. Оружие тоже взялось откуда-то. В общем, он нас вывел. А потом случались у нас с ним и другие встречи, каждая со своим вкусом, но из серии «норму не предлагать».

Я точно знал: Андрей Сёмин просто так нигде не появляется. Бойцы элитного подразделения внешней разведки «Заслон» даже унитазы чинят с умыслом. А кусты подстригают, вынашивая стратегический план освобождения заложников. Одному Богу известно, что они обычной ниткой с иглой вытворить могут! Их задача – оберегать дипмиссии за рубежом, вытаскивать сотрудников из самой задницы, иногда даже не своих. Но здесь не было дипломатов, боевиков, исламистов и цветных революций, вокруг раскинулась деревня Подтёлково, а не Дамаск и даже не Бишкек. А я внутренне напрягся, пытаюсь ноздрями учуять, откуда ветер дует.

– Привет, Андрей, – пожал я протянутую мне твёрдую руку, понимая, что день перестаёт быть томным.

– Какими судьбами? – спросил Сёмин.

– По делам. Одной знакомой, – ответил я уклончиво. – А ты?

– Так у меня неподалёку дача! – разулыбался внешний разведчик. С улыбкой на покрасневшем от мороза лице побежали вокруг глаз и рта морщинки. Конечно, про то, что он из элитпогранвойск знают только единицы, вряд ли даже родственники в курсе. Ему уже, наверное, под пятьдесят? Наверняка около того. А Сёмин продолжал: – Я тут домину отгрохал. Сруб. Всё по-настоящему: банька, яблони, охота, рыбалка.

– Неужто от дел отошёл? – не поверил я.

Несмотря на возраст и прикрытые в виде ушанки и рыжеватых усов, он выглядел богатырём, совсем не пенсионером.

– Да сколько ж можно с автоматом по барханам? А что за знакомая, Раф? – прищурился с улыбкой Сёмин.

– Так, – сказал я. – Честно, не мог представить тебя, живущим на даче в российской глубинке. Без автомата как обходишься?

– Граблями заменяю, – расхохотался он, как бы между делом поглядывая на выход из сельской администрации. Потом перевёл глаза на красный Судзуки моей «подзащитной»: – Неужто твой?

– Нет, конечно.

– Ну а дела как вообще?

– Живой, – ответил я.

– Ну рад был повидаться, – снова пожал он мне руку. И пошёл в администрацию.

В моей груди ёкнуло. Окинув взглядом окрестности ещё более внимательно, я двинул за ним. Кнопку я взялся защищать. Дал слово, значит, это мой долг. Если ещё с ней что-то случится, это будет последним гвоздём в мой...

Нет, не допущу! Это мой ретрит, моё дело. И, возможно, не игра. И если туда идёт Сёмин, мне тоже нужно. Но, Высшие силы, хоть бы это было простым совпадением!

Я вбежал в совкового типа слегка отремонтированное здание и чуть не столкнулся с улыбающейся Кнопкой. Портфель в руках. Видимо, всё удалось. В сердце снова ёкнуло: маленькая она. И, к счастью, снова не деловая.

– Что-то случилось? – удивилась Кнопка.

– Нет, – выдохнул я, провожая краем глаза Сёмина вдоль по коридору с жёлтыми, под сосну пластиковыми панелями. – Но вот что я вам скажу: вы наняли меня охранять, значит, я буду следовать за вами, а не ждать на улице. Мешать я вам не планирую, но я должен быть рядом.

Она хлопнула длинными ресницами.

– Точно ничего не случилось?

– Нет. И не должно случиться, – буркнул я и взял её под локоть. – Вы тут всё закончили?

– Да...

– Тогда идёмте.

Глянул на неё сверху вниз. И никакая она не хищница. Вон как смотрит доверчиво большими глазами. Пушистый шоколадный сырок с щёчками. В шубке. И разозлился на себя: вечно я во всех ищу подвох. А там где надо, чудовищ под боком не вижу.

* * *

Раф налетел на меня в коридоре, как коршун. Даже черты лица, кажется, заострились, и он стал похож на смуглого конкистадора перед боем. Словно под пиджаком пряталась кираса, а в руке за спиной – меч. Я опешила и растерялась, мигом забыв о том, как хорошо прошла встреча с Корнилюком, местным главой. Рафаэль подхватил меня под руку и повёл на улицу. И безапелляционно заявил, что на улице больше ждать не будет.

Моё сердце ухнуло, в бёдрах что-то сжалось. От его близости, силы, и от того, что он просто до меня дотронулся. Впервые! И как! Очень властно. Моё эго вопреки женскому желанию подчиниться вякнуло: да что он себе позволяет?! Я тут вообще-то директор! И я сказала твёрдо:

– Если это будет неуместно на переговорах, я не буду вас брать с собой, вы поняли?

– Нет, – отрезал он. – Будет так, как я сказал.

У меня глаза чуть не выпали от изумления. Со мной даже начальник в отделе продаж на бывшей работе таким тоном не разговаривал! Знал: чревато. Илья Михалыч, конечно, и таким хищным не выглядел. Я попыталась высвободить собственный локоть и затормозила каблуками на крыльце, рискуя их сломать.

– Остановитесь, Рафаэль! – повысив тон, потребовала я.

– Нет. В машину, – рявкнул он. И потянул меня дальше.

– Вам не кажется, что вы превышаете полномочия? Нам надо это обсудить.

– Здесь мы ничего обсуждать не будем. В машину.

И вдруг в мою душу закралось подозрение. Если верить Рафу, и на самом деле ничего не случилось, то, может, прав папа насчёт «не всех дома»? Ой. Три раза.

Рафаэль подвёл меня к Феденьке, распахнул дверцу и практически засунул меня в салон. На пассажирское сиденье. У меня аж дар речи пропал от возмущения. Мурашки поползли по коже: вдруг его переклинило на охране?! Или у него маниакально-депрессивный психоз? Или паранойя?! Упс...

Я же не знаю, как и чем он жил после трагедии. Судя по бомжеватому виду, с адекватностью дружил так себе, шапочно. Я внимательно проследила за тем, как Раф быстро обошёл машину, сел за руль, провернул ключи зажигания и, вспорошив колесами белую пелену снега, поехал прочь от сельской администрации. Намёка на неадекватность не бы-

ло, как-то даже наоборот – верх чёткости и сосредоточенности, и всё же...

– Здесь ещё встречи есть? – хмуро спросил он.

– На окраине. С фермером Хорьковым, – пробормотала я.

– Куда ехать?

– Прямо, потом второй поворот направо. Хотя притормозите, я поведу.

– Нет.

Он повёл Феденьку уверенно, словно каждый день на нём ездил. А я наблюдала за моим конкистадором с подозрительностью психиатра. Красив, чёрт! Неужели люди с такой идеальной внешностью могут быть без крыши?

Я затаила дыхание, одним глазом глядя на дорогу, вторым на Рафа. Тонкие ноздри незаметно дышат. Челюсти плотно сжаты, аристократический нос заострён. Хищно. Взгляд сосредоточен. У меня во рту пересохло. Мысли, догадки и опасения в голове скакали, как разноцветные шарики спортлото, больно стуча по черепу. Всё, хватит!

– Остановитесь, – приказала я.

– Позже.

– Да остановитесь же! – не выдержав, крикнула я. – Это моя машина. Вы мне подчиняетесь! Я вас наняла. И вы переступили границу, если вашему поведению нет объяснений! Я приказываю вам остановиться.

Он взглянул на меня. Проигнорировал. Мы пронеслись по Подтёлково, чудом одолев окоченевшие от мороза рытви-

ны перед косыми хибарами. Ёшкин конкистадор! Называется, почувствуйте себя Покахонтас. У меня возникло полное ощущение, что он меня похитил. Только я открыла рот, чтобы устроить разнос, как умею, Раф завернул в ельник, начинающийся сразу за деревней, и остановил авто.

– Вот теперь можно говорить, – заявил он мне, пыхтевшей от возмущения.

– Вы вообще осознаёте, что вы слишком много себе позволили?! – спросила я, как Ленин у буржуазии, слегка побаиваясь, немного восхищаясь и абсолютно осознавая, что в очередной раз вляпалась в непроверенные отношения и вот-вот получу медным тазом по лбу, чтоб впредь неповадно было.

Опасно помогать кому попало. Да ещё и влюбляться. А романы про любовь писать – вред здоровью! Даже те, которые в школе с подружками. До сих пор от побочек не избавлюсь...

– Телохранитель обязан защищать, – сузив глаза, ответил Раф. – И он должен знать, от кого и почему.

– Я объяснила.

– Только то, что посчитали нужным. – Он вперился в меня, развернувшись от руля в мою сторону всем корпусом. – Теперь скажите мне, почему вы ходите одними путями с внешней разведкой? В чём дело?

– А?! – Я открыла рот и закрыла. Про папу говорить не полагалось. С молоком матери впитано: рассказывать про папу

– табу. С парой вдохов ко мне вернулось самообладание, и я, точно уверенная, что до завтра в районе мне даже местные гопники угрожать не будут, произнесла: – При чём тут внешняя разведка? Вы, извините, хорошо себя чувствуете?

Раф чуть подался назад, взглянул за плечо, потом снова на меня, и вдруг напряжение перестало сковывать его корпус, тень упала на лицо.

– Простите, перестраховался. – Зыркнул снова подозрительно. – И всё-таки подумайте: вы не были свидетелем чего-то необычного в последнее время? Участником каких-то инцидентов? Вне ваших «молочных войн».

Он не шутил, был очень адекватен. И потому я растерялась.

– Только тот случай в метро...

– Подумайте хорошо, – велел он. – Иногда мы не обращаем внимания на мелочи, которые могут некоторым стоить жизни.

Я уставилась на Рафа: он про моего отца узнал?! Каким образом?! В Гугле об этом не написано. Или при чём тут внешняя разведка? Лучший способ выяснить – спросить. Что я и сделала:

– Я не понимаю, откуда вы взяли мысли о внешней разведке? Где разведка и где я со своими сырками?

Он промолчал. Но я не успокоилась.

– Говорите прямо, Рафаэль. Мы же работаем с вами вместе, я пойму, – постаралась я мягче на всякий случай. Мяг-

кость и с психом прокатит, и вину загладит – на случай, если он знает, кто мой папа. Ну и вообще, сила женщина в её кошачести: то когти выпустить, то промурчать, то в клубок скрутиться и спинку выгнуть.

Наши глаза встретились, и я еле заставила себя не опустить ресницы. Всё-таки какой он огненный! Может, в этой огненности есть что-то опасное?

Но он снова обернулся на шум машины на дороге из Подтёлково, напряжённо проследил за промелькнувшим за заснеженными еловыми ветками чёрным Мерседесом и снова вперился в меня.

– Вы видели раньше эту машину?

Я пожала плечами.

– Да мало ли чёрных Мерседесов?

– А мужчину, эдакого богатыря, где-то на пол головы выше меня, крепкого, с рыжеватыми усами, квадратной челюстью и немного красной кожей? Видели здесь, в Подтёлково? Или ещё где-нибудь сталкивались?

Я моргнула.

– Он шёл вам навстречу в сельской администрации, – добавил Раф.

И я рассмеялась с облечением.

– Вы об Андрее Степаныче? Ох, ну вы меня напугали, Рафаэль! Конечно, это Андрей Степаныч, я его знаю!

– Откуда? – взгляд Рафа стал колючим.

– Это сват главы. Корнилюк нас познакомил. Недавно из

города переехал. Этим летом только. Но при чём тут внешняя разведка?

Раф отвернулся. Помолчал, потом бросил:

– Да так.

Нам обоим положена медаль за откровенность. Впуклая.

Выдохнув, Раф вышел из машины. Открыл передо мной дверцу и протянул руку:

– Возможно, тревога была ложной.

Я опустила пальцы в горячую, твёрдую ладонь с мозолями на подушечках у основания пальцев и, опираясь на неё, ступила в сугроб. Мы оказались с Рафом совсем рядом. Моё сердце замерло от волнения. Он заботливо поддержал меня под другой локоть, чтобы не упала на каблуках по наледям и снегам, ёлка стряхнула мне холода за шиворот, и морок пропал. Впереди дела, Хорьков и разговоры про молоко. Я села за руль, Раф рядом. Буркнул на втором повороте:

– Извините.

На третьем:

– Но я всё равно буду следовать рядом.

Через заснеженный лужок:

– Бережёного Бог бережёт. – Ничуть не расслабленно.

Я почувствовала угрызения совести: и так человек нервный, а я тут ему ещё и свинью в виде дополнительных стрессов подсунула. Точнее себя, как экземпляр для охраны. Воистину «причинять добро» – это про меня придумали. Чтоб мне сырков больше не есть! И горячим чаем не запивать...

Глава 8

Солнце светило чудо как хорошо! Снег сверкал бриллиантовой россыпью на земле, а по моей коже бежали мурашки от осознания того, что Раф так серьёзно принялся меня защищать. Пусть и не от кого пока было, но приятен сам факт! Очень-очень хотелось, чтобы Рафаэль на самом деле меня спас.

Для самого себя – в качестве компенсации застарелой вины в той трагедии. Пусть бы почувствовал себя свободным и зажил полной жизнью! Так хочется!

Для меня – я просто умру от счастья, правда!

Хоть нанимай злоумышленников, если никто на меня нападать не будет! Интересно, сколько это стоит? И как деньги провести – через договор подряда на театрализованное представление с последующим медицинским обслуживанием? Хм...

Врать, конечно, нехорошо. Я опять скосила глаза на моего спутника, но ведь уже есть результат! Он побрился, постригся и совсем не похож на бомжа в замызганной куртке, присыпанной строительным мусором. Ничего не знаю: это мне плюс в карму.

Жаль только, Раф даже саркастически перестал улыбаться и по-прежнему был напряжён. Совесть вновь стукнула меня клювом дятла по затылку. Удивительное дело, как меня

чувствами разрывает с момента, когда я встретила Рафаэля – не просто по синусоиде – вверх-вниз, а синус-косинус одновременно. Не замкнуть бы! В общем, теперь меня мучила ответственность за то, что я его втянула.

Я притормозила возле Хорьковского зеленого забора и взглянула на Рафа.

– Раз уж вы будете рядом, подыграйте мне, пожалуйста, – с мягкой улыбкой попросила я.

– Как?

– Просто кивайте, когда я буду к вам обращаться.

– Ладно, – чуть пожал он плечами.

Я набрала Хорькова и пропела по телефону:

– Александр, здравствуйте! Это Любовь Соколова. Я возле вашей молочной фермы, вы можете уделить мне несколько минут?

– Любовь? – слегка запнулся наш передовик. – Э-э... Мы ведь обсудили все вопросы с Юрием Николаевичем вчера. Мне очень жаль, но вам придётся искать другого поставщика.

– Вам не жаль, – улыбнулась я лисой в трубку. – Но я без обид: бизнес есть бизнес. В целом, вопрос с поставками решён, проблем нет. Я просто хотела нашему новому сотруднику показать одну из лучших частных ферм в Подмосковье. Вы не откажете мне?

– О нет, – растаял Хорьков. – Если так, сейчас подойду к воротам.

Я знаю, он любит не только развиваться, но и самолюбиться. Почёсывание по шёрстке ему так же приятно, как и его коровам. Я отбила звонок и улыбнулась Рафу:

– Господину Хорькову совсем не обязательно знать вашу должность. Извините, я тут немного буду лавировать, но мне очень нужен именно этот поставщик. Вы сами поймёте, почему.

Раф кивнул. В данном случае хорошо, что он не разговаривал.

Через пять минут мы уже шли по коровнику с накинутыми на плечи белыми халатами. Хорьков маршировал перед нами, с гордостью окидывая взглядом свою жующую сено вотчину. Невысокий, подвижный, крепко сбитый, с посеребрённым ёжиком и короткими пегими усами под пронзыливым носом, он был похож на в меру упитанного, одомашненного хорька.

– Вот, Люба, на днях мы установили новый автомат подачи сена.

– Здорово! Просто замечательно! – воскликнула я и пояснила Рафу: – Александр серьёзно подошёл к вопросу открытия фермы. Ездил в Швейцарию и внедрил здесь наиболее удачные идеи.

– Прежде всего, – встрял Хорьков, – мы относимся крайне дотошно к селекционированию коров. У меня только голштинские, лучшие экземпляры...

Раф немного склонил голову и вдруг сказал:

– Лучшие представители голштинской породы отличаются чёрно-белым окрасом.

Я удивилась. Хорьков обиделся и опух щеками.

– У меня разновидность красно-пёстрая. Одна корова даёт от тридцати до сорока двух литров молока в день! Только до семидесятых годов такой подвид считался рецессионным, а теперь наоборот, – гордо вскинул подбородок фермер. – Поэтому у меня пятьдесят голов, и все исключительно красно-пёстрые.

Раф пожал плечами и посмотрел на меня. Я продолжила экскурсию, улыбаясь и расхваливая хозяйство Хорькова на все лады. Тут действительно было круче, чем на любой другой ферме района. Рафаэль кивал, как договаривались, хотя в окружении коров и сена выглядел странно и неуместно – именно, как испанский гранд, случайно забредший в хлев.

Зато Хорьков цвёл, чувствуя себя бароном молочных рек и королём кисельных берегов.

– Вы специально ко мне приехали? – явно ожидая положительный ответ, залихватски спросил он.

– О нет, – мотнула я головой, пора было добавить кислинки в щедро разлитый мною мёд. – Мы были у Корнилюка на переговорах, а потом решили заглянуть к вам, раз уж по пути. Я люблю у вас бывать, вы всегда вкусным чаем угощаете и на ухоженных коровок посмотреть приятно. И теперь ведь уже не будет повода к вам заглядывать.

Хорьков опустил глаза.

Да-да, чувствуй вину, гад молочный! Я к нему со всей душой, а он к монстрам бездушным переметнулся. И ведь Корнилюк мне выложил, что разница Тримм-Тиль-Баном предложена в рубль всего за литр. В рубль! Предатель!

Я улыбнулась ему так же, как на выпускных учителя улыбаются: типа, хорошие вы детки, но идите-ка уже лесом. Хорьков вздохнул:

– Надеюсь, вы на самом деле не в обиде, Люба. Работать с вами мне тоже было приятно.

– О, Боже, конечно нет, – просияла я, – какая обида! Ваш объём мы уже нашли, как восполнить, тем более под предложенные мной новые условия сотрудничества очередь выстроилась.

– А какие условия? – повёл носом Хорьков.

– Стабильная цена круглогодично для эксклюзивных поставщиков, – как бы между делом бросила я, подходя погладить задумчивую корову, провожающую меня влажными карими глазами.

– То есть летом, как зимой?! – пробормотал мне в спину Хорьков.

– Да. Так удобней вести бухгалтерию, налоги платить, и так далее. Есть своя выгода в стабильности. – И, поглаживая крутой лоб животного, прикрывшего от удовольствия веки, я назвала сумму за литр. Обернулась.

Хорьковые глаза стали круглее и загорелись алчностью. Он засунул руки в карманы, высунул, облизал губы под уса-

ми. Обернулся, достал телефон, глянул на тёмный экран. Но поджал губы и ничего не сказал.

И тут Раф, отодвигая носком ботинка упавшую на дорожку солому произнёс:

– Любовь, а мы не опоздаем с вами на частный молочный комбинат в Глазово?

Мы с Хорьковым моргнули. Меня огорошило одно: откуда Раф про него знает?! Это же самая круть в Подмоскovie, но у них все ходы записаны, к ним не пробиться! Раф вроде дипломатией занимался, а не молочным бизнесом...

– А зачем вам в Глазово? – хрипло спросил Хорьков.

– Ну, мы планируем расширяться, – на ходу нашлась я, отвлекаясь от томно жующей бурёнки.

– А в Глазово самая передовая автоматика, – добавил невозмутимо Раф. – И объёмы.

Хорьков засуетился.

– Да разве ж там автоматика? Точнее, даже если и есть, подумаешь?! Там к коровам, как к машинам относятся! Ничего человеческого! Конвейер. А у меня каждая коханная. И вообще личность. Я по именам их всех знаю: вот это Красуня, а это Сифильда, а вот, с пятнышком на лбу – Офелия...

Раф кивком указал на клипсу в которой был прикреплён лейбл с именем.

– Я тоже умею читать.

Хорьков пыхнул:

– Да я их даже по крупу узнаю! И мы их пасём на свобод-

ном выгуле, а не сухим сеном кормим. На солнышке выгуливаем. Это вкус даёт молоку натуральный! Как в деревне у бабушки. Никакое Глазово вам такое не даст.

– Ну, мы рады были с вами работать, – ответила я, – но вы сами предпочли другого закупщика.

– Возможно, я поторопился...

– Нам тоже нужна стабильность, – развела я руками и, как фокусник извлекла из внешнего кармана портфеля пустой договор. – Именно поэтому я и прибегаю к на первый взгляд не выгодным для меня условиям. Платить больше, чтобы не заниматься одним и тем же вопросом из года в год? Пожалуйста. Но я и от контрагентов потребую того же. Мне главное – эксклюзивность и постоянство.

– Можно? – Хорьков аккуратно взял из моих рук договор. Забегал глазами по строчкам, облизнул верхнюю губу и быстро предложил: – Я бы очень хотел почитать. Это что-то новое в нашем бизнесе...

– Но мы торопимся, – буркнул Раф, вновь заставив меня опешить.

Зачем? Ведь товарищ уже почти наш. Спугнёт!

Однако Хорьков ещё сильнее засуетился, замахал руками:

– Вы же ещё не видели наш «детский сад»! У нас там новая технология добавлена. В Штатах заказал поилку, имитирующую вымя. Обязательно посмотрите, а я на минуточку вас покину. Вот сюда, сюда, гости дорогие, прошу. Без «яслей» разве ж можно экскурсию заканчивать?

Он распахнул дверь в более светлое, тёплое помещение, где в загончиках с похожими на палатки белыми домиками топтались телята.

– Вечно голодные, – воскликнул Хорьков, – хоть по семь литров в день выдувают. Ну, посмотрите-посмотрите, познакомьтесь... А я сейчас.

Он юркнул обратно и умчался куда-то прочь по коридору. Дверь захлопнулась. Раф усмехнулся. А я поражённо поняла, что ему удалось очень удачно «довести» клиента до кондиции.

– Откуда вы про Глазово знаете? – спросила я.

– Гугл помог.

– А про породу?

– Ещё Пушкин о ней писал в одной из повестей. И кроме того, я был на показательной ферме в США во время одной из поездок, – спокойно ответил Раф.

– Но когда вы успели погуглить? – не понимала я.

– Вы оставили визитку. Естественно, я ознакомился с тем, что расположено по указанному вами адресу, – ответил он. – Потом посмотрел пару новостей про молочный бизнес. Это элементарно.

И не поспоришь. А я бы и не подумала об этом... МГИМО, однако.

Любопытные малыши с бугорками вместо рожек принялись высовывать головы в проход между решётками забора и тянуться к нам. Я не удержалась и погладила ближай-

шего лобастика. Телёнок тут же лизнул мне руку.

– Ой! – рассмеялась я. – Какой шершавый! Ну что ты, малыш, я невкусная. Осторожно, Рафаэль! Вон тот рыжик, кажется, собирается и вас зализать!

Раф задумчиво посмотрел на меня, на телёнка и сам протянул к малышу ладонь. Смуглые пальцы мгновенно исчезли в розовых губах, окаймлённых белой шёрсткой. Телёнок принялся увлечённо причмокивать. А Раф вдруг улыбнулся. Сердечно очень. По-доброму. Подмигнул детсадовцу:

– Что, брат, соску нашёл?

А у меня так в груди стало хорошо, что чуть слёзы в уголках глаз не проступили. Какой же он невероятный, когда улыбается! Вот скажите, какое мне дело до этого?! Но радости его улыбка вызвала во мне больше, чем раскрученный под орех поставщик. Я, наверное, сумасшедшая...

* * *

Телёнок засасывал мою руку и, похоже, собирался продолжать. Мелкое существо, а силища!

Я был рад на него отвлечься, потому что поймал себя на том, что следя за игрой Кнопки, теряю самоконтроль и начинаю откровенно пялиться на неё. Не получалось не смотреть. Это ж надо, чтобы в одном человеке был такой замес авантюризма, хитрости, незащитности, напора! А ещё я ни в одном человеке никогда не видел такой ассортимент улы-

бок: сдержанных, деловых, дипломатически точных, а потом вдруг по-настоящему искренних, почти детских. Или солнечных, легко переходящих в звон заразительного смеха. До щекотания в груди. И желания смотреть ещё. Как на фонарик в темноте. Как я её в школе мог пропустить?! Впрочем, тогда я был занят Ташей...

– Что, брат, соску нашёл? – спросил я у глупо хлопающего ресничками бычка.

Я был ему благодарен, потому что парадокс, который ласково сюсюкал в двух шагах от меня, сбивал меня с мыслей. Ей нужна от меня просто защита. И, кажется, она пока не догадалась, насколько нужна. Расслабляться нельзя. Ведь когда мы заходили в зелёные ворота фермы, я увидел краем глаза тот самый чёрный Мерседес. Надо сделать так, чтобы этот Хорьков подписал договор и у остальных молоко сам собирал, он хваткий – сможет. А Кнопке тут делать нечего!

* * *

С фермером было просто: я пару раз упомянул призрачное Глазово и долгосрочный контракт по забору молока. Кнопка лихо подхватывала – завидная гибкость ума! Не знал бы, сам бы решил, что мы заранее сговорились и прописали сценарий, как «развести лоха». Впрочем, фермер быстро сообразил, что из рук уплывает дополнительная, а главное – постоянная прибыль, и предложил схему. В смысле я намека-

нул, а он продолжил. Не зря в Швейцарию ездил товарищ, хватает на лету. Да и ферма у него на самом деле приличная, на уровне. Молоко вкусное, бурёнки чистые.

Фермер подтянул группу поддержки: весьма практичную и рассудительную жену, сына и ещё пару заинтересованных личностей. В общем, машина для сбора дополнительных объёмов у населения, которые он пока не тянет, нашлась; и возможность, и руки. Мимоходом мы выяснили, что с Тримм-Тиль-Данн ещё ничего не было подписано, только после обеда они ждали засланца. Не повезло ему.

Кнопка деловито покрутилась, хапнула своей ухоженной лапкой подписанный контракт на эксклюзивность. Вид при этом такой сделала, что, мол, только старых связей ради, а не личной выгоды для. Я буркнул в довесок пару сомнений, войдя в образ «плохого полицейского». Фермер заверил, как бойскаут, что гарантирует идеальное партнёрство. Цветисто так. Кнопка засияла. Я скептически усмехнулся.

Честно, был удивлён тому, что не растерял навыков. Это, конечно, не переговоры о поставке цветных металлов или вооружений на государственном уровне, но всё равно забавно. Как из портала в портал переступил. Отвык. Но не повод расслабляться. Я подхватил Кнопку под локоть.

Зелёные ворота за нами закрылись. Мерседеса на улице не было. Только снежная зима, как на картинке. Деревня, холод, солнце. Глянул на Кнопку: день чудесный! Она сияла и смотрела на меня почему-то восторженно. Ямочки на щеках,

как у настоящей. Ути... И не скажешь, что акула бизнеса.

Мы сели в машину. Кнопка провернула ключ зажигания, разрозовелась и вскинула на меня глаза:

– Я даже не ожидала, что всё так легко получится! Это надо отпраздновать! Но как вы его, Рафаэль! Вы просто... вы просто...

Я изогнул бровь, а она выдохнула:

– Восхитительный!

Что?! Я растерялся. Кажется, она тоже. Тут же покраснела и пробормотала:

– В смысле ведения переговоров. Я не думала... что вы можете так здорово! Вы даже мастер-класс можете проводить, да. Ну, в бизнес-школе или моим сотрудникам...

Ага, в голове замелькали флэшбэки всяких встреч по обмену опытом. Аж затошнило, особенно, когда память услужливо подсунула морду бывшего начальника в Дубае.

– Мне есть чем заняться и без этого, – буркнул я, отводя глаза.

– Да, извините, – тише сказала она.

И мы поехали. В салоне обосновалась неловкость. Она, как неприятный запах, невидима, но дышать мешает. Чёрт! Я скосил глаза на Кнопку. Похоже, она расстроилась. Не светится. А улыбка делает её красивее.

– Я имел в виду, что не имею опыта в проведении мастер-классов подобного типа, – сказал я.

– Да, я поняла, – кивнула она, не отрывая глаз от дороги.

Обиделась. Чёрт...

Я обернулся, проверяя хвосты. Никого.

– Мы сейчас куда? – спросил я.

– По домам.

– Хорошо.

Ну, что ещё скажешь? Я вообще молчать привык. Наверное, зря влез. Она и сама прекрасно справлялась. Зачем? Хотел показать, что я могу лучше? Нет вроде. Или да? В голове загудели мысли, самообвинения и дотошный анализ. А я-то думал, что уже избавился от этого. Выходит, нет? Зря все мои практики? На деле полдня проверки, и вот он я – прежний самодовольный индюк. Мастер Морихэй Уэсиба говорит: «Техники требуют четырёх качеств, в которых отражается природа нашего мира. В зависимости от обстоятельств ты должен быть твёрдым, как алмаз, гибким, как ива, плавным, как течение воды, или пустым, как небо.» И что я имею? Ни гибкости, ни пустоты в уме. А в сердце щемит.

Резюме? Я – кретин, который не продвинулся в своём развитии ни на шаг. Разве что твёрдый. Дуб стоеросовый. И что делать? Дзен-мастера говорят, что замутнённому эго сознанию трудно кого-то похвалить. Я посмотрел на Кнопку: а ведь её есть за что хвалить! То, что красивая, в её заслуги не входит, конечно, а вот что такая находчивая, как раз гибкая; занята делом, причём видно, что любимым. Не ради денег лопатой, а ещё и производить хочет пусть такую мелочь, как эти её сырки, но вкусные и качественные. Не

жадная. Другие бы удавились поставщикам платить больше. Смелая. После той статьи об убийстве мало кто бы решился идти дальше в их молочном бизнесе. А она улыбается...

Мой взгляд коснулся её миниатюрных рук, лежащих на руле. Шеи, чуть прикрытой смоляными кудрями. Кожа такая нежная. И внезапно я понял, что хочется её ощутить под своими пальцами. Дотронуться и почувствовать, какая она. Но я поймал себя: хвалить – не трогать. И сдержанно сказал:

– Я лишь немного подыграл, как вы просили. Вы тоже, Любовь, великолепно проводите переговоры.

Она тотчас загорелась, как лампочка, взглянув на меня лучистыми глазами:

– Правда?!

Э-э... Ну, нельзя же так смотреть... Я неловко кивнул, отвернулся на дорогу и показал вперёд:

– Вы сейчас указатель проедете.

Глава 9

Моё сердце прыгало от радости. Как же удачно день складывался! И с Хорьковым, и с главой! А Раф! Чудесный, офицерский, супер-мега-переговорщик Раф ещё и похвалил меня! Ура! Двести сорок пять тысяч ура!!!

– Услышать такую похвалу от настоящего дипломата – большой комплимент! – вырвалось у меня.

Раф вмиг напрягся.

– Что вам ещё известно об мне? – и с подчёркнутой неприязнью, почти по слогам, спросил, прожигая взглядом: – Вас моя мать послала? Или отец? Признавайтесь!

Я сглотнула, в тысячную долю секунды обозвав себя миллионом нелестных слов, но мгновенно нашлась:

– Какая мать? Позвольте! Я имела в виду ваши переговорщицкие способности. Разве таких людей в русском языке не дипломатами называют?

До него дошло. Гневный хищник расслабился. Выдохнул.

– А, вы в этом смысле...

Не в этом, я балда. Однако я осторожно улыбнулась. Мда, видимо, с родителями у него тоже всё плохо. Но разве они виноваты в случившемся?

Я невольно поёжилась: от Рафа такой огонь и ощущение опасности исходили в момент гнева, что, похоже, с ним лучше быть в дружеских отношениях. Странное это было чув-

ство – практически ничего не знать о человеке и заранее принимать его, непонятного и даже пугающего, со всеми потрохами. Принимать априори, словно по-другому не подразумевается.

Сейчас вспышка уже погасла, и Раф просто внимательно смотрел на дорогу.

Не припомню, чтобы я хоть кого-то готова была принимать настолько. Может, только маму, даже когда она гулять не пускала. Мою уютную, весёлую бабушку, в которую я пошла характером, как все говорят. Или папу... Хотя тому три года пришлось ждать, когда я расслаблюсь по поводу его исчезновения.

А кстати, почему Раф заговорил о внешней разведке? И намекал на Андрея Степаныча. Знакомство у меня с ним было шапочное. Хотя лицо его с самого первого дня показалось знакомым, словно тысячу лет знаю. Но просто бывают такие люди и лица, которым скажешь «Здравствуйте» и уже будто в тыл к врагу вместе сходили и с языком вернулись. Так и с Андреем Степановичем. Поздоровались, улыбнулись, разошлись, и всё, добрые знакомцы.

* * *

Мы снова проезжали «Авиатор». Мой чревоугоднический желудок заявил о голоде и воззвал к пельменям. Да уж, чаем Хорьковским я не насытилась, пусть и с плюшками. Тем бо-

лее так волновалась — пока всё не подписали, кусок в горло не лез. Это ведь был чистый блеф с нашей стороны. На самом деле на сегодняшний день дефицит молока в стране составляет восемь миллионов тонн. Изготовители как только не изгаляются: пальмовое масло, красители подмешивают. В общем, ужас. А таких, как Хорьков, умных, ответственных и хороших хозяйственников наперечёт, хоть он и тот ещё хорёк.

— Давайте отпразднуем удачные переговоры? — спросила я, указывая на ресторан. — Тут очень вкусно готовят!

— Я не голоден, — ответил Раф.

— Неужели? — удивилась я. — Ведь уже давно не время обеда!

— Я привык ограничивать себя в питании, — строго сказал он. — Если вы голодны, кушайте. Я вас подожду.

— Пойдёмте, зачтём обед как командировку. За счёт компании.

Раф не повёлся:

— Внесите лучше не случившиеся расходы на ваши кредитные счета. Вы говорили, у вас много долгов.

Я была готова обидеться, но тут поняла, что уж чересчур Раф нос задрал и глаза отвёл. Просто гордый. Не позволит женщине за себя платить. Это похвально, но надо скорее день зарплаты придумать, и командировочные ему выдать, чтобы не от меня, а из бухгалтерии. А, и ещё бонус за переговоры добавить!

Вдруг мне стало неловко от мысли, что официально Раф – мой подчинённый. Как-то это неправильно.

– В таком случае я подожду до дома, – сказала я.

По его губам скользнул намёк на улыбку:

– Не мучайте себя. Я привык к спартанским условиям.

– Да я и не мучаю, – пожала я плечами. – Просто есть привычка, когда что-то удаётся, отмечать это.

– Нет ничего хуже, чем отмечать обыденные вещи, – по-мрачнел он.

Ох, какой же он сложный! И тут я вспомнила слова Петьки о том, что авария произошла как раз после того, как Рафаэль обмывал своё повышение. Блин, я как слон в посудной лавке... Потому вслух я сказала весело:

– А и то правда! Не будем следовать глупым предрассудкам. Всегда можно создать новые привычки. И просто так радоваться тому, что есть.

Раф не ответил, но взгляд его смягчился, более того – в нём промелькнуло уважение.

А я задумалась: как узнать, живёт он на самом деле по адресу прописки или ютится неизвестно где? Вряд ли по прописке – в этом элитном доме ведь квартплата огромная. А если он три года не работал и с семьёй рассорился, денег у него нет.

Когда мы въехали в Москву, я снова пошла на хитрость.

– Рафаэль, куда вас подбросить? Возле дома со мной ничего не случится, охранять меня не надо.

– Ошибаетесь, – буркнул он. – Если вам понадобился телохранитель, значит, как раз возле дома, по адресу, который не так сложно выяснить, вас проще всего разыскать. И если куда-то надо выйти, звоните мне, я приеду.

– Да, наверное, всё не так серьёзно.

– Когда убедимся, что несерьёзно, – парировал он сурово, – вам и телохранитель не понадобится. Пока придётся меня потерпеть.

– Я вас поняла, – улыбнулась я, чувствуя, как моё сердце растекается под скудными лучами декабрьского солнца. – Спасибо!

Он пожал плечами и опять ничего не ответил. Дорогой мой молчун! Мне бы не хотелось тебе врать, но что поделаешь.

Наконец, я зарулила в наш квадратный двор, окружённый сталинками, и притормозила у подъезда. Раф осмотрел двор внимательно.

– До квартиры я вас провожу. Сегодня вы ещё куда-нибудь собираетесь?

– Нет.

– Завтра во сколько заезжать за вами?

– В восемь?

– Хорошо. Ваш номер у меня есть, мой... – он поискал в карманах. – У вас есть ручка?

– Да, конечно, – с улыбкой ответила я и полезла в сумочку.

Зазвонил телефон. На экране высветилось: «Папа». Не

вовремя, но он же опять в своих поездках-приключениях. Вдруг вопрос, не терпящий отлагательств? Я ткнула на зелёную кнопку и, приложив смартфон к уху, придержала его плечом, продолжая поиски коварно потерявшейся ручки. Раф терпеливо ждал.

– Привет! Что-то срочное? – спросила я.

И услышала в ответ его типичное:

– Люба, кукла маленькая!

Тон был такой, что я чуть сумочку не выронила, а потом и телефон. Прижала его сильнее плечом, и внезапно услышала по громкой связи на весь салон папино негодование:

– Я ведь говорил, не лезь к этому бомжу! Подумаешь, в метро спас! Но бомж! Ты мне пообещала! А сама, оказывается, мало того, что разыскала, да ещё и с этим Гарсия-Гомесом по полям и весям разъезжаешь?! Что ты вообще удумала?!

Я растерялась, попыталась отбить звонок. Сумка упала с колен на пол, телефон скользнул прямо под ноги Рафаэлю. И оттуда, с резинового коврика продолжился ужас папиным голосом:

– Что молчишь?! Одежду ему цивильную тоже на свои деньги купила?!

Неловко суетясь, я никак не могла выудить телефон из-под ног Рафа, все пальцы вымазала. Он наклонился, поднял его и сунул мне. Я нажала на красную кнопку. Папа замолчал. И у меня пропали все слова. Я боялась поднять ресни-

цы, умирая от неловкости. Подняла всё-таки. Обожглась от взгляда.

– Бомж? – недобро сощурился Рафаэль.

– Это совсем не то, что вы думаете... – пролепетала я. –

Вы не...

Он ничего не ответил. Открыл дверцу. Встал. И ушёл.

Просто ушёл. Через арку на Смоленский проспект.

Моё сердце оборвалось.

* * *

Я шёл сквозь толпу и глотал ртом холодный воздух. В голове заклинило. Рёбра изнутри выдавливали наружу невысказанным гневом. В глазах стало сухо и едко. Оглядывался на отражение в витринах. Я бомж. Дожились...

Да какая разница?! Плевать! Разве отец не высказывал: на кого ты стал похож? Разве мама не причитала: Рафушка, ну нельзя же так, тебе всё равно, хоть о нас подумай.

Думал, с рождения думал. Делал всё, как они хотели, достигал, добивался, выигрывал. Приносил оценки, медали, грамоты... А потом уже договаривался, сводил «хороших людей» с «хорошими людьми» – «ради отца, что тебе стоит», душой кривил. Семья – это всё, семейный бизнес, семейные традиции, как люди подумают, удобно-не удобно. Не нравится серпентарий в посольстве? Терпи, мы тоже терпели. Видишь, как выбились из грязи в князи! У тебя горе? Но

ты держись. Ради семьи. Чтобы никто ничего не сказал, ты же сильный... Достойные люди должны держаться друг друга. Жизнь продолжается. Ты хочешь всё бросить? Не позорь нас. Возьми отпуск, а потом займись делом. Работа лечит.

И обязательное отцовское басом: «Сын, ну всё, подурил и хватит! Возьми себя в руки. Я договорился. Вернёшься на хорошее местечко, хуже того, конечно, что ты протрынкал... Нет? Ты забыл, сколько денег мы вложили, чтобы тебе ранг купить? Так бы до сих пор был вшивым атташе в каком-нибудь Сенегале. Да что ты, вообще размазня? Сколько можно? Совсем с ума сошёл?!»

И всё по новой. Колесо прокручивается и никогда не останавливается. Сансара. Мой личный ад. А я просто не МОГУ вернуться! Мне некуда возвращаться. Я добровольно вышел из-за «забора посольств» в зону отчуждения. Это мой выбор. Потому что только тут мне и место.

Тут бывшие «друзья и товарищи» не станут с фальшивыми лицами ничего спрашивать или хлопать по плечу, обсуждая за спиной. Не станет никто цокать дебильно языком или покачивать головой сочувственно: «А ты похудел. На тебе лица нет. Ну как ты держишься? Без жены в загранточке сложно».

Я разогнал к чертям этих «друзей», а так же прочих риал-психологов, предлагающих: «Давай курнём. Выпьем. Слушай, тут такая стоящая девушка пропадает, ты ж вернёшься к своим дипмиссиям, а у неё английский в совершен-

стве»...

Нет, – сжал я зубы до хруста в челюстях. – Лучше бомж. Да, снова волосы и бороду отращу. Чтобы ни одна гадская собака не узнала. И ведь не узнавал же никто! Даже соседи привыкли, что я не здороваюсь. Дострою додзё, вообще туда переберусь.

Но отчего же мутит душу, словно буром нефтескважину?!

Я остановился у грязного сугроба. Заглянул внутрь себя, хотя бежать хотелось. Как раньше.

Дышу. Где мои практики? Какая-то девчонка способна выбить тебя из колеи, сенсей? Поулыбалась полдня и пробила солнечное сплетение к чертям?! Чего ты тогда стоишь? Вдох-выдох.

Почему так хреново? И сам себе ответил, продолжая дышать и концентрироваться на точке под носом: потому что кретин последний. Решил, что ей помощь нужна. Просто какому-то человеку просто от другого человека нужна помощь. Она заявила, будто ответ свыше на мои недавние мысли. И вдруг как холодным душем обдало это брезгливое «бомж», а следом осознание – она наврала. Всё врала, с первой минуты. Она сказала, что не знала, кто я, говорила, что наткнулась почти случайно. А выяснилось, знала и имя, и обсуждала это с каким-то мужиком!

В сердце прокрутило тупой болью осознание – все женщины лгут. Начиная с Таши, которая уже не ответит, что было правдой, а что нет. У надгробия не спросишь, хоть ори!

Оставила меня жить в полосе тумана.

– Я не поеду с тобой в Японию, – сказала она тогда в машине.

– Как?! – опешил я.

– С меня хватит этих армейских порядков, скукотищи, сплетен и по сотовому кругу обсуждения, как мариновать капусту. Довольно дипломатии, я хочу свободы, – скривилась она, даже в таком настроении настолько ослепительная, что по-прежнему дух захватывало.

– Но ведь мы же так хотели этого назначения! – возмутился я, отвлекаясь от дороги. – Чего ты вдруг?!

– Это ты хотел, – она поджала губы. Отвернувшись, бриллианты сверкнули в ушах.

– Но Таша! Другие по два-три года ждут нормальной командировки, а мы почти сразу едем! В Японию! И с таким повышением!

– Езжай, Раф, – холодно ответила она, – ты там не заскучаешь, вон сколько к тебе интереса дамы проявляют.

– При чём тут это! – вспыхнул я. – Нельзя жить отдельно! Давыдовы пожили одну командировку порознь и развелись.

Я уже совсем перестал смотреть на дорогу, хватанувший по настоянию нового посла лишний шот виски и оттого так легко поддавшийся гневу. Кстати, Таша шепнула мне на фуршете на ухо: «Ты помнишь, тебе меня ещё к маме везти. Ты пообещал. Не налегай на виски». Я не послушал. Я знал, что послу надо угодить, таковы негласные правила.

Генералам в армии тоже не перечат. К тому же я привык, что диппаспорт везде освобождает от полиции, штрафов и прочих мелких неприятностей. Я даже не сбавил скорость, кипя от абсурдности её слов: муж и жена должны жить вместе, а не в отпуске встречаться!

Но Таша посмотрела на меня так, что вдруг я почувствовал стену, словно она отступает назад и становится чужой. Очень быстро. Внутри меня гнев смешался со страхом. А Таша произнесла:

– Возможно, это лучшее решение...

Я забыл, что надо вдохнуть. Тело оцепенело и превратилось в отказавший автомат. Где-то между хрипом и болью я выдавил:

– У тебя кто-то есть?

– Раф, я не...

А потом только толчок под колесом, машину понесло юзом. Я не успел схватиться за руль, нас крутануло и выбросило на встречную полосу. Под фуру.

Ответить мне она уже не смогла. И никто не смог. Сплетни, грязные слушки подсовывали «друзья» и коллеги, но все оказались ложью. Зато и другой лжи я раскопал в нашей жизни немало. Обо мне, со мной. Обо всём. Словно я жил с другой Ташей. Или я не хотел видеть её настоящей? Слышать её? Её компьютер и все гаджеты забрали спецслужбы, пока я был в реанимации. Потом вернули, а муторный осадок остался. Несколько уклончивых взглядов от работников

служб и странных вопросов про нашу жизнь в Иране и Эмиратах. Почему? Мне и тут не ответили.

Я любил её. И убил.

Я глотнул воздуха, чувствуя снова дыру посреди груди. Закрыв глаза. Дышать. Не думать. Концентрация на точке под носом и дыхании. На контурах тела. Ничего нет, кроме сейчас. Меня и того нет. Какая разница, бомж или дипломат?

Мимо промчалась Газель с издевательски-весёлыми коровами на борту и, въехав колесом в лужу, обрызгала меня с ног до головы.

Всё-таки бомж, – откуда-то издалека разнеслась в черепе недобрая усмешка. Гнев стёк мурашками с пальцев и заструился на плитку тротуара вместе с грязью, мешаясь со снегом. И опять осталась пустота. Но какая-то другая. Заляпанная пятнами света от внезапно пробившейся в грудь за этот день радости.

А она на деле оказалась просто придорожной грязью. Ложь чистой быть не может.

Снег пошёл сильнее, крупной ударяя в лицо. Я поднял воротник пальто и засунул руки в карманы.

Мне никто не обещал радости. Мне никто ничего не обещал, даже следующего вдоха.

* * *

Два часа сиконтадзе – обездвиженной медитации на полу

перед стеной, и мозг встал на место. Успокоился и замолчал. А потом в эту тишину, как случается, всплыла здравая мысль: «А ведь статья про убийство в молочном бизнесе была настоящей». Сердце ёкнуло.

Договор я тоже подписал настоящий. Я расписался в обязанности охранять, а сам психанул, как подросток, и даже до квартиры её не проводил. Гордость прищемило. Не думал, что она вообще во мне ещё жива. Ан, поглядите-ка, пырхается!

Но завинять себя не стал – накосячил, исправь. Все мастера говорят о безупречности, даже Кастанедовский Дон Хуан заявляет: *«Безупречность – это делать лучшее, что ты можешь, во всём, во что ты вовлечён»*. Я же вовлёкся в охранный дело, просто подумав, что и великий мастер айкидо Уэсиба в своё время побывал телохранителем весьма вбалмошного субъекта. А прочитав, каковы обязанности телохранителя, я не удосужился.

Стоп, а если это была ещё одна ложь? Я выдохнул: не выяснишь, не узнаешь.

Натянул джинсы, свитер. Сарказма ради хотел ту измазанную во время стройки куртку напялить, но она не высохла. Поторопился запихнуть её в стиралку, – усмехнулся я и выудил из шкафа ненюшеную ещё синюю Коламбию. Откуда она? Вроде мама привозила в прошлом году. Или нет?

Десять минут пешком, и я оказался у подъезда пафосной желтоватой сталинки. Ирония, что при всей резиновой рас-

киданности Москвы в пространстве мы живём друг от друга в двух шагах.

Красный Судзуки стоял на месте. Я заглянул в него. Всё в порядке. Сверился с адресом на бумажке, уточняя квартиру. Только собрался набрать номер на домофоне, как из подъезда навстречу вывалилась толстая бабушка с мелким, розовощёким внуком, выставившим санки, как таран. Отскочил, придержал дверь. Пошёл наверх по явно пережившей войну лестнице с коваными, строгими перилами и щербатыми ступенями. Ага, вот и квартира сорок пять. Из-за металлической двери глухо доносилась какая-то современная музыка. Значит, дома.

Эго снова пискнуло возмущённо, я его пнул. Гордость и безупречность – не друзья. И нажал на звонок. В ритмах попсы не слышно было, прозвенел ли он.

Не открыла. Я постучал. Дверное полотно шелохнулось под ударом костяшек, и я понял, что не заперто. В груди сжалось. Опоздал?!

Я осторожно открыл дверь. Вошёл в узкий коридор. Будто колодец под четырёхметровым потолком. В нос пахнуло теплом и офигительно вкусным смешением запахов: духов, ароматной сладости и мандаринов. На тумбочке из-под брошенной небрежно шубки выглядывали женские туфли на высоком каблуке. Точнее, одна стояла, вторая упала. На вешалке времен расцвета социализма – разномастные зонтики, шарфики, пальто, красная куртка. Сапоги замшевые прямо по-

среди коридора валяются на подвытертом светлом паркете.

– Любовь! Вы дома? У вас открыто, – позвал я.

Только музыка в ответ. Надо было позвонить. Осмотрелся. Снова в груди ёкнуло. А что если?... Телохранитель хренов. Я нахмурился и сунул нос в комнату прямо за коридором.

– Любовь! – крикнул я снова. – Вы дома? Вы в порядке?

Молчание. Странная обстановка. Мебель бабушкинская какая-то за исключением пары штрихов: клетчатого пледа, упитанного плюшевого медведя с голубым бантиком и туалетного столика с невероятным количеством баночек, тюбиков, коробочек. Хм, она поклонник советского постмодернизма? И явно не фанат хранения вещей на своих местах. Не важно, тут её нет.

Я вернулся в коридор. Тут что? Туалет. Откуда-то слева по коридору послышался шум. Я метнулся туда и оказался на кухне непривычной планировки. Холодильник в нише, отделанной под кирпич. Ещё ниша с мандаринами в вазе в выступающем между помещениями простенке, куда явно просился камин. Новые кухонные шкафчики дешёвого пошиба, но уютные. Вазочки, украшения, лампочки декоративные. Тут советщиной и не пахло. Недорого, но со вкусом.

Шум исходил из-за двери с матовым, запотевшим стеклом. Я понял – это шум воды и человека, под ней плещущегося. Стало неловко. И противно чувствовать себя не профессионалом, а неизвестно кем. Надо уходить. Завтра пого-

ворим. Очевидно, она в порядке.

Взгляд привлёк столик у широкого окна. О, ёлочка! Кто-то их ещё ставит, надо же! Шарик...

Под лучами стильного бра на кухонном столике, накрытом светлой скатертью, сверкала фольгой невероятная груда фантиков. В фарфоровой корзинке с розовыми цветочками халва кусками. Ближе к краю недопитая чашка со скорбным чайным пакетиком, а в большущей миске рядом – гора конфет. На любой вкус. Трюфели, Мишки на Севере, Грильяж, Каракум, Чернослив в шоколаде, Красная Шапочка, Гусиные лапки...

Я моргнул. Она кондитерский отдел ограбила? Или покупает оптом, так дешевле? У нас дома даже по большим праздникам столько сладостей не было.

И вдруг неосознанно шагнул к этим цветастым россыпям. Рука сама потянулась к тазу с шоколадками. Забыл вкус. Я одну. Она пропажи не заметит. И, глупый, как вор в магазине, где всё по пять рублей, я сграбастал наугад конфету. Опасливо прислушался. Душ продолжал шуметь. У неё что-то упало. Всё, ухожу.

Мой взгляд скользнул к чашке, и я увидел на столешнице себя... На маленькой овальной карточке из выпускного фотоальбома. А ещё распечатку, где на листе А4 снова красовался я. На Всероссийском чемпионате в 2007-м. Стоял, довольный, в кимоно и медаль показывал. Что за?...

Я поднёс к глазам листок. Он был почему-то весь в мок-

рых пятнах, словно его обильно обрызгали. Я поперхнулся воздухом и быстро положил распечатку обратно. Смутился. Зажимая в руке конфету, бросился к выходу. Как следует хлопнул входной дверью, проверил, что обе защёлки закрылись, и больше никто не войдёт внутрь без ведома Кнопки. Сама не могла закрыть? Это ж надо быть такой рассеянной!

Я потоптался на площадке, как дурак. Озадаченно глянул на конфету в руке – Бабаевская с орехами. Повезло. А про остальное... ничего не понимаю. Оглянулся на её дверь.

Разговор подождёт до завтра. Приду в восемь, как договаривались. В лоб спрошу Кнопку про реальную необходимость в телохранителе. Начальницу... Ути...

Засунул конфету в карман и почему-то губы сами сложились в улыбку: сегодня ей в любом случае ничего не грозит. Только лопнуть от сладостей.

Глава 10

Обычно мне ничего не снится. Или мучают кошмары, от которых к утру остаются лишь рваные обрывки. А тут мне снилась Кнопка. Светлая, как прожектор, в жутко тёмном бункере. Почему-то она была босой и в лёгком летнем платье, совсем девчоночьем и очень волнующем. Она засмеялась и указала мне на что-то. Проследив за её пальцем, как за лучом света, я обнаружил подгулявшую, бодро скачущую корову в моём додзё. И фантики. Весь ещё не отшлифованный пол был усыпан цветными обёртками от конфет.

Их корова и ела, шурша фольгой и подмигивая. Вот чёрт! Я обернулся обратно к Кнопке – устроить разгон за то, что превратила место для серьёзных занятий в цирк. Но Кнопка улыбнулась и побежала куда-то. А я проснулся. Лёгкий и возбуждённый. Хм.

За окном во всю стену загорались огни просыпающегося города. Пентхауз. Всегда всё видно.

В следующую секунду я вспомнил про вчерашнее. И настроение как корова языком слизала, оставив мрачняк – под цвет тёмного неба. Ладно, я не девочка. Мне всё равно. Но идти на «работу» не хотелось: я знал, что Кнопка мне врала. И к чему были мои фотографии на её столе? Версии снова посыпались одна глупее другой. Самая логичная – просто проверяла, что я за фрукт. Не дворником же нанимала, в

конце концов. И свежих фото не было, потому что их просто не существует. А откуда у неё фото из школьного альбома?

Ну, если мы действительно в одной школе учились, могла навести справки у кого-то из моих одноклассников. Хотя зачем такое рвение по душу «какого-то бомжа»? Или же... Я скривился, потому что вспомнилось, как полгода назад отец снял квартиру напротив примечательной блондинке. Якобы случайная соседка, якобы дверь заклинило. Помог. Потом осаждать стала: то-сё, кран сорвало, домофон не работает, чайку попить не хотите? А я плюшек напекла... И пошло-поехало. Даже без «спецподготовки» от внешней разведки можно было её раскусить. С отцом поскандалил, девица исчезла. Родителям никак не понять, что не надо «делать» меня счастливым. Поздно.

Вот и вчера весь вечер гаденькой змеей прокрадывались в душу сомнения про мою «начальницу», хотя она очень невинно удивилась и отрицала. Впрочем, я тоже так умел раньше: искренне и самозабвенно врать на благо Родины. То есть нельзя было исключать то, что Кнопка – это новая попытка семейства Гарсия-Гомесов вернуть блудного сына на путь истинный. Просто более изощрённая после дружно посланных в сад психиатров, лайф-коучей и прочих благожелателей за деньги. Да когда все успокоятся уже?! Опять появилось желание свалить в горы или в пустыню и проверить себя на выживаемость. А ещё избавить всех от бремени переживать за меня.

Чтобы не быть голословным, я вчера включил планшет, набрал «Любовь Соколова». Выпала тысяча профилей под этим именем. Даже в Ярославле, в моей школе соцсети предложили целый ассортимент: от первоклассницы в розовой юбочке, старательно делающей селфи, до грудастой мадам на корпоративе. Кнопки я так и не нашёл, хотя копался до полуночи.

Самого себя найти было гораздо проще. Рафаэлей Гарсия-Гомесов не расплодилось в рунете, увы. Плюнь, попадёшь в меня. Да и вот они – те же фотки, что были у Кнопки на столе. Значит, не исключено, что просто из сети распечатала. Наверное, стоило не только бороду отращивать, но и имя поменять. Иван Иванович Иванов, чем не имя? А вообще муть какая-то.

Не нравилось мне всё это.

Всё, дипломатия с её «длиннейшими путями⁸» кончилась три года назад. Надо поставить вопрос ребром. В лоб. Как говорят японцы: «Голому терять нечего».

Я помедитировал, размялся. Душ, свежая рубашка, костюм. Глянул на часы: пора. Взялся за работу, делай. Ну, держись, Кнопка!

⁸ Имеется в виду высказывание французского драматурга XIX века Адриана Декурселя: «Дипломатия – это длинейший путь из одной точки в другую».

У её подъезда красного Судзуки не оказалось. Я чертыхнулся: и куда её понесло? Ведь только без пятнадцати восемь. На всякий случай я ткнул пальцем на её квартиру на домофоне. Потом набрал её номер.

«Телефон вне зоны действия сети».

Чтоб тебя, Кнопка!

Продолжая её набирать, я подождал полчаса, на всякий случай поднялся на её этаж, проверил дверь. Заперта. Затем сел в такси и поехал в офис «Творожного солнышка».

Секретарша Лидия с повадками текущей кошки сказала, что Любви Алексеевны пока не было, и она не звонила.

– У неё есть ещё какой-нибудь номер? – осведомился я.

– Домашний.

– Наберите.

– К сожалению, она не отвечает.

– Она ничего не говорила про планы на сегодня? – уточнил я.

– Нет, – приторно улыбнулась секретарша-кошка. – Может, подождёте в приёмной? Кофе-чай?

Я и кивнуть не успел, как чашка чаю дымилась у меня под носом вместе с неприятным чувством непонимания. С другой стороны, мало ли куда могла податься взрослая, самостоятельная женщина?

В приёмную заглянул сутулый немолодой тип с глазами ностальгирующего по светлым мечтам о коммунизме интеллигента времён СССР.

– Юрий Николаевич занимается снабжением и связями с поставщиками, – промурлыкала Лидия. – А это телохранитель Любви Алексеевны, Рафаэль Маркович.

– Телохранитель? – вытаращился ностальгент. – Да-да, в условиях принятой Любой политики, правильное решение. Отчего же вы не с ней?

Хороший вопрос.

Я встал.

– Кажется, Любовь не вполне осознаёт меру опасности, – уклончиво сказал я. – Подскажите, когда именно ситуация обострилась на вашем молочном рынке? Мне стоит знать, чтобы оценить риски.

– По сути, она пока не обострилась. Ещё позавчера днём всё было хорошо, а потом эти новости про Тримм-Тиль-Данн – как гром среди ясного неба, – вздохнул снабженец.

– В смысле позавчера? – переспросил я.

– В прямом. Вместо полдника...

– А кто-нибудь сотрудникам вашей компании или Любви уже угрожал?

Лидия хихикнула:

– Ой, так интересно, словно в Шерлоке Холмсе! А вы не смотрите?

– Нет, – отрезал я и вперился в снабженца.

Юрий Николаевич проямлил:

– Пока естественно никто никому не угрожал, но теперь всё возможно. Я уговаривал Любу не рисковать. Это не разумно, учитывая, что мы пытаемся встать поперёк дороги крупной корпорации. Но Люба словно обрадовалась трудностям и всё равно поехала. И даже не сообщила о результатах. Вы были с ней вчера?

Я кивнул.

– Переговоры в Подтёлково прошли успешно. Договор на эксклюзивную поставку подписан. Так она не звонила? – нахмурился я, выявив новую ложь.

Не могла же Кнопка быть экстрасенсом, чтобы предвидеть «наезд»! Противно. Я разозлился, но не ушёл, мысленно покрывая лгунью «ласковыми» словами. Надеюсь, ей икается, и уши покраснели до цвета утренней зари в мороз.

– Нет. Ни звонка, ни документов, ни её самой. Хотя иногда Люба приходит и позже на работу. Ведь руководитель не опаздывает, а задерживается... Может, отсыпается дома?

Точно не дома.

Мои расспросы ни к чему не привели. Ностальгент поохал и ушёл. Я сидел злой, как чёрт, с трудом вспоминая про безупречность и созерцательность. Продолжил выяснять, что мог. Лидия показала мне страницу начальницы в соцсети. И я поджал губы, сердясь ещё больше.

Да ведь очевидно – Любовь Соколова натуральная лицемерка! Везде сияет улыбками в фас и профиль. Похоже, зна-

ет, что улыбка – её самое сильное оружие и умело им пользуется. Впрочем, как и слезами. И внешностью.

Время шло, офис жил своей жизнью. Поставив на автодозвон свой телефон, я просматривал фото и статусы Кнопки в планшете, готовый с порога прижать её к стенке и вытрясти всю правду.

Однако с тиканьем часов на стене гнев затихал, периодически отдаваясь всё меньшими всплесками. Со вкусом изрядно остывшего крепкого чая на языке рассосалось и раздражение. В тот момент, когда я дошёл на стене вк Соколовой до «Флэшмоба: моё детство» и увидел оцифрованное фото девочки с огромными ясными глазами, ямочками на щеках и тёмными кудряшками, обрамляющими личико, в памяти щёлкнуло.

Э-э... Я же её знаю! Не в смысле имя, но... Ещё Таша назвала эту малышку помесью ангелочка и дьяволёнка, когда, хихикая, рассказала, как та пробралась на дискотеку для старшеклассников на День рождения Высоцкого. Лет в десять, наверное? Или сколько ей там было? Экий авантюрный характер! – удивился я, и с тех пор поглядывал на малышку с любопытством, когда та попадалась на глаза.

В нашей небольшой школе это случалось нередко. Существо это было мелкое, милое и забавное, особенно когда серьёзное. К примеру, запомнилась она мне на дежурстве в раздевалке: пушистый котёнок, налетающий на тех, кто без сменки, как Джедай на солдат Дарта Вейдера. А на котят

смотреть всегда приятно... Особенно когда весело.

Я моргнул несколько раз, пытаясь переварить мысль: так значит, эта бойкая малышка и есть Любовь Алексеевна Соколова?! Я слегка оторопел, даже сверил фотографии маленькой и нынешней. Да, точно она!

В груди стало тепло и непонятно.

Однажды я её даже в нос чмокнул. Не помню где. Мы оказались рядом, и девчущка посмотрела на меня с таким восторгом, как на супер мастера Йодо. Наверное, потому что рядом на доске с объявлениями статья про меня висела. Что-то я там выиграл.

Но она так смотрела! Сложно было не умилиться. Потом я сказал об этом Таше, а она почему-то рассердилась. Я и перестал обращать внимание на малышку. Ведь уже в одиннадцатом я твёрдо решил жениться на Таше, и не хотел её расстраивать ничем.

А что, если малышка, Кнопка, Любовь, Люба... меня запомнила и... Тут уже я, как нашкодивший кот, внутренне прижал уши. У неё ко мне что-то есть?... Нет-нет, вряд ли. С какого перепуга ей меня помнить? Но иначе почему?...

Я оторвал глаза от фотографии малышки на экране, и увидел часы. Да куда же она запропастилась?! Сердце сжалось, и беспокойство накрыло меня с головой. Я выключил планшет и прошёлся по кабинету. Набрал номер Кнопки вручную, записал номера Судзуки и все адреса-явки у любезной Лиды. Позвонил в дежурную часть на всякий случай, в ГИБДД.

Кнопка так и не появилась, в ДТП не попадала. Но и телефон не включила...

– Что-то я не припомню, чтобы Любовь Алексеевна вот так без предупреждения надолго пропадала, – сказала секретарша. – Как бы с ней ничего не случилось.

В моей груди дурное предчувствие закрутило, словно гриппом суставы. Вслух я буркнул:

– Я это выясню. Телефон у вас мой есть. Звоните в любом случае. Без промедления.

И я направился к двери, понимая, что мне как телохранителю до безупречности, как до Марса пешком. В висках стучало, волнение игольчатыми вихрями закручивалось в кончиках пальцев. Какой же я кретин! Вместо того, чтобы охранять, я снова погрузился в историю о себе любимом. А надо было не о себе, а о ней! О ней!!

Я рванул вниз по лестнице, быстро соображая, что сделать в первую очередь, что во вторую. По темечку продолжала стучать тревога.

Где же тебя искать, Кнопка?!

Глава 11

Всё, не могу больше реветь. И не буду. Я вышла из душа и угрюмо посмотрела на конфеты на столе. Кто-то спивается от тоски, я сжираюсь. А к Новому году в шкафу уже висит платье на размер меньше. Очень красивое. Но ерунда все эти мотивации! Как не есть сладкое, если чувствуешь себя так горько?!

Я виновата, что Рафа оскорбила. Виновата, что на папу наорала. Виновата, что телефон дурацкий никак не научусь на блокировку включать, когда трубку снимаю. Виновата, что уши, как у гоблина – в экран тыкаются. Виновата, что руки не из того места...

Он ушёл. И, кажется, это всё.

У меня так скрутило в душе, что даже галлюцинации ароматические начались – полное ощущение возникло, что его запах чувствую в кухне. Вышла из ванной, а он словно только что тут был. Я даже кинулась обратно за халатом, чтоб не предстать перед ним в одном полотенце. Идиотка!

Квартира была пуста, только Эд Ширан распевал про «Shape of you⁹». Я вспомнила Рафа во всей его идеальной красоте и форме, потом глянула на своё отражение в тёмном стекле за ёлочкой. Пузо отъела поперёк себя шире, лицо ще-

⁹ Твоя форма (англ.)

кастое вытянулось, как у резиновой куклы, волосы торчат во все стороны, фу!

Слёзы опять подкатились к глазам. Я встряхнула головой: нет, не буду!

Кинулась спасать его, теперь как бы самой спастись...

Я потянулась к телефону.

– Приветы! – послышался слегка отстранённый голос моей подруги Полины, наверняка опять смотрит в монитор. Она от него не отрывается: на работе – контент-менеджер, в жизни – сетевой писатель и вечный житель соцсетей. А ещё экс-геймер с европейскими регалиями. Она текст наберёт быстрее, чем я чихну, а вот по телефону ей говорить – попытка, поэтому мы всегда или списываемся, или я к ней еду. Потому что Поля – закоренелый интроверт.

– К тебе можно? – пытаюсь не всхлипывать, спросила я.

– Случилось что? – сразу поймала мой тон Поля.

– Да нет, всё хорошо, – соврала я и разревелась.

– Достāju вискарь, – сообщила она.

– А Бейлиза не осталось? – провыла я. – Я сладенькое люблю.

– Слипнется, – мудро выдала Поля. – Жду. Закажу суши.

* * *

Через полчаса я сидела в Полиной спальне, где преобладало розовое с фиолетовым, и восточные узоры на белом по

центру. Две белые болонки влетели наперегонки в комнату с лаем и любопытством на улыбчивых шерстяных мордочках. Как нарисованные.

– Ведите себя прилично, – распорядилась Поля и вкатила столик на колёсиках. С двумя стаканами и початой бутылкой Джек Дэниэлса.

– Мы Паше мешать не будем? – гундосо спросила я, кивнув в сторону гостиной.

– Да я тебя умоляю: у него ответственный рейд, – отмахнулась Поля. – Так что не заметит, даже если потолок рядом с его креслом проломит пяткой Годзилла.

Паша в свободное время – всё ещё геймер, а в рабочее – технический директор крутой компьютерной компании. Моим друзьям под тридцатник, но по виду и ощущению, оба подростки. Моложавые, симпатичные. Паша на работу ходит исключительно в футболках с принтами, джинсах и толстовках. Поля предпочитает готические платья, стиль Лолиты и розовые пряди в длинных светлых волосах. Не совсем офисный стиль, зато поди найди лучше специалиста в контенте и вёрстке.

У Поли немного необычная, я бы сказала, балтийская красота, пронизательные глаза и талант быть хорошим другом, что бы ни случилось. А ещё глубинная экзистенциальная мудрость при том, что философских книжек, религий и всякой эзотерики она чурается, как чёрт ладана. Иногда мне кажется, что она читает их подпольно, а потом выдаёт за своё.

Или в прошлой жизни обчиталась. Познакомились мы с Полей случайно на форуме в сети, но дружим по-настоящему уже десять лет.

Поля села рядом на кровать, налила виски в стаканы и внимательно на меня посмотрела:

– Ну и чего там?

– Я дура, – вздохнула я и вывалила из пакета конфеты с мандаринами на столик. А потом так же, лавиной обрушила на подругу слёзы и историю про Рафа.

– Блин, – поджала губы Поля. – Попадос.

– Да. Всё пропало, – горестно кивнула я и отхлебнула из стакана.

– Ну и на кой он тебе? Мужик с таким-то комплексом неполноценности? Да ещё и обижается, как девочка? Сам себя запустил, а ты при чём?

– У него травма.

– Я, конечно, врунов сама не прощаю... – задумчиво пригубила виски Поля.

– Тебе я не вру никогда, – поспешила добавить я.

На колени прыгнула Бася и принялась вылизывать мне щёки. Я улыбнулась:

– Вот, давай Бася, понятно, для чего я щёки отращивала. Хотя ты меня любишь и не винишь.

– Тебя ещё я люблю. И Влад, – напомнила Полина.

– А у меня такое чувство сейчас, словно я никогда и не переставала Рафа любить. Просто куда-то запихнула любовь,

как медведя в спячку до лучших времён. Наверное, поэтому мне и Мишка, и Влад – все были не теми и не такими.

– Знаешь, – проговорила Поля, – если твой Раф нормальный мужик, вспомнит про договор и свои обязанности, и явится на работу. А если нет, лучше взять себя в руки и забыть. Может, ты вовсе не в Рафа влюблена, а в свою иллюзию о нём?

– Может...

– Упорнее всего человек заблуждается. Если твой Раф хочет страдать, он будет страдать, и фиг ты его спасёшь даже с помощью самой искренней любви, магии и лоботомии.

– Наверное. Но что мне сейчас делать?

– Не паниковать. Не торопиться. Как идёт, так идёт. В конце концов, не ты его бомжом обозвала. А главное – попробуй для разнообразия не врать, – сказала Поля. – Ни людям, ни самой себе. Это освежает, реально. Хоть и трудно. А на работе как?

– Уже лучше...

– Я думала, ты сырков свежих привезёшь, а то нарушила все традиции: виски есть, сырков нет. Производство хоть не встало?

Она вопросами-вопросами, стаканами-стаканами, роллами и палочками, проклятиями на современные издательства и тупых заказчиков незаметно увела меня от слёз и ужасного чувства вины. Поля всегда так. Не заметишь, а уже расслабишься, и мозг работает в другую сторону. И болонки её –

качественная группа поддержки, кстати. Поглаживая Феечку, Поля изрекла:

– Врут, когда говорят, что любовь не купишь за деньги. Я вот купила, аж две. Зато точно без задних мыслей. – Она потискала Феечку и чмокнула её в нос. – И взаимную.

Бася, встав на задние лапки, со спины мусолила мои волосы. Смешная. Опять придётся голову мыть.

– Останешься у меня? – спросила Полина. – Пашка всё равно до утра рейдиться будет.

Я поспешно согласилась, с ужасом представляя, как снова окажусь наедине со своей кухней, конфетами и мыслями.

Обложенная с двух сторон болонками, я до двух ночи слушала сюжет нового романа и обсуждала с Полей героев, как живых людей, кто с кем будет и кому за что отдуваться, и предлагала свои варианты развития интриги. Отвлеклась.

Но проснувшись в пол шестого утра, поняла, что должна, просто обязана перед Рафом извиниться. И вернуть ему договор, а там пусть сам решает. Я тихонько оделась, привела себя в порядок и, взглянув на адрес, указанный в договоре подряда, поехала искать Рафа. Домофон в шикарном многоквартирном доме на Пречистенке не отозвался. Мне навстречу вышла холёная женщина в соболях, очень похожая на ведущую Первого канала.

– Извините, не подскажете, Рафаэль Гарсия-Гомес в этом подъезде живёт? – спросила я. – У меня в документах указан адрес...

Та высокомерно взглянула на меня и ответила:

— А разве он не съехал несколько лет назад? Уточните у консьержки. Но они точно съехали, я помню. Здесь мне никто из Гарсия-Гомесов не встречается уже давно.

Увы, консьержка куда-то запропастилась. Странно. А впрочем рано ведь совсем. Даже неловко. Я ещё немного постояла, нажала на номер квартиры пару раз для верности. И, несолоно хлебавши, поехала искать Рафа в Саларьево.

Как же трудно было в сердце! Я мысленно прокручивала вчерашний день, вспоминала улыбку Рафа, как умилительно сосал его руку телёнок; он ведь начал оттаивать! А Поля говорит: хочет страдать... Это я всё испортила.

Затем собой пришёл на ум Андрей Степанович, которого в чём-то подозревал Раф. Напрягся так. Вдруг я вспомнила, что видела Андрея Степановича вчера возле подъезда, когда уезжала к Поле. Возле чёрного Мерседеса. Он даже мне кивнул, здороваясь. И раньше: то в магазине, то на улице. Может, у него живёт кто-то из близких рядом? Почему нет?

На удивление быстро и без пробок я докатила до леска, откуда выходил Раф. Да, вот и мусорники те же, а напротив склады Мустафы Хориза. С этой стороны без фонарей было ещё темно и безлюдно. Только начало сереть небо. Подождать ещё? Не выдержу, и так всё колется от волнения.

Увижу реальность, а не иллюзию. Буду знать, где и как он живёт. Даже если это помойка. Переживу. Я собралась с духом. Сердце сжалось. Извиняться всегда страшно. Будто ес-

ли не простят, умрёт часть тебя. Может, это та часть, которая называется гордостью?

В зеркале заднего вида скользнула чёрная машина. Ослепила фонарями. Я зажмурилась.

Но я не люблю и не хочу делать людям больно. Особенно Рафу. Ему и без меня досталось! Выдохнула, распахнула дверцу, одёрнула шубку, как гусар мундир. И вдруг шум за спиной. Тяжёлая рука на лицо.

– Тшш...

Боль пронзила шею. Укол? Я дёрнулась, пытаюсь сопротивляться. Жёстко удержали. Почему тело ватное, как во сне? Что происходит? Как...

Глава 12

Мозги, отвыкшие от чрезвычайных ситуаций, закрипели, побуксовали немного, и включились в работу. Я начал соображать быстро, как когда-то. Ещё быстрее шёл через парковку. Кнопка не появилась нигде, телефон отключён. Где искать и надо ли? Первое. Как директор она может начхать на часы работы. Как молодая красивая женщина она вполне может завести любовника. После бурной ночи проспять всё на свете. И тут я заявлюсь, с собаками... Констатация факта переросла в усмешку, которая сжалась в груди в неприятный ком.

Стоп, версия гнилая. На Кнопку пропадать в разгар трудовых будней не похоже, – сотрудникам врать незачем. Она делом горит, в бизнесе проблемы. И чтобы наша начальница даже не осведомилась, как дела, договор в офис не завезла и даже по почте не сбросила? Нонсенс. Значит, любовников и загулы вычёркиваем. Кстати, секретарша-кошка сказала, что Любовь почти не пьёт, так что точно не отдалась хмельным страстям.

Что я про неё знаю? Живёт одна. Следов детей, мужчин в квартире нет. Разве только если где-то спрятала бабушку, судя по мебели.

Следующее. У Любы, я вспомнил, были глаза одинокой женщины – оценивающие. Я такой взгляд точно знаю: если у

женщины в порядке личная жизнь, она смотрит иначе, более расслабленно. А у Кнопки в глазах такая гамма эмоций читалась, особенно во второй половине дня – индийские танцовщицы в своём театре могут спокойно раскурить бамбук. Вспомнилось, что судя по голосу, мужик, обозвавший меня вчера бомжом, был наверняка отцом или старшим родственником. Услышав его выпады, Кнопка превратилась в растерянную девчонку. Засуетилась. Во мне снова что-то неприятно кольнуло. Дрогнуло. Стоп-стоп, не будем эмоционировать. Позже.

Итак, неподкупная ли в глазах Кнопки была искренность? Не уверен. Может, растерялась от того, что всплыла ложь. Ладно, речь не о методах и стратегии. Я на работе.

Второе. Как её искать? Смартфон, если в нём находится батарея, отследить возможно. Кроме того, в новеньком Судзуки Любы установлена система Эра-Глонасс, лично видел кнопку SOS на приборной панели, спасибо новому закону. А значит, отследить можно не только момент ДТП и подать о нём сигнал, но и выяснить следование автомобиля, его местонахождение. Аллилуйя!

Но каким образом? – задумался я, садясь в такси. – Обращаться в полицию с улицы, во-первых, рано; во-вторых, малоэффективно. Частные конторы? Смешно, батенька. Увы, старые связи потеряны. Кто я теперь для ребят из спецслужб? Прохожий. Хотя...

Андрей Семин! – услужливо выдавала память. И я невольно

напрягся: мне изначально не понравилось, что он крутился рядом с нами – бывших разведчиков не бывает, тем более таких, как он. А интуиция меня редко подводит. Значит, он мне нужен по нескольким вопросам: пробить телефоны тех, кто быстро выведет меня на отслеживание по Глонассу – если уж вдруг Сёмин действительно превратился в пенсионера-дачника, контакты даст. С другой стороны, если он что-то имеет на Кнопку, выясню. Не захочет делиться, вытрясу.

По старой памяти вылезло сомнение, что смогу. Отсёк – мой уровень подготовки сейчас наверняка превосходит его. Но расслабляться не будем.

Итак, до снятия режима тревоги мне нужна мобильность. На такси в область не наездишься. Я велел таксисту остановиться у ближайшего центра аренды машин.

Семь минут, движение карточкой, и ключи от почти нового синего Логана были у меня в руках. Позвонил Азиф.

– Сенсей, вы здесь? Я приду, можно?

– Где здесь? – не понял я.

– Красная машина той красивой опы¹⁰, которой вы говорили, помогать будете, стоит тут. Рядом с додзё. Я увидел, обрадовался. Сбегал в додзё, думал вас, сенсей, найти там, а закрыто. Вот я звоню поэтому.

– Точно её машина, Азиф? – по спине, как разрядом, мурашками шарахнуло.

– Точно, сенсей. Номер, как у меня последние цифры на

¹⁰ Уважительное обращение к молодой женщине (узб.)

телефоне 953. Потому запомнил. Обрадовался.

У меня дух перехватило. Что там Кнопка забыла?! Вместо офиса и дома?... Меня ищет? Хотя нет, в Саларьево же её производство. И она говорила о желании арендовать склад. Возможно, просто решает вопросы, деловая же. Но интуиция выдохнуть с облегчением не позволила.

– Я еду, Азиф. В красной машине никого нет?

– Нет, я заглянул.

– А рядом с машиной?

– Тоже нет. Только мусоровозка мусор увезла и тихо со-
всем. Мороз.

Я сел в Logan и попросил:

– Побудешь рядом с красной машиной, Азиф?

– Как не побыть, с радостью.

– Только не явно. Так погуляй возле и посмотри. Если та красивая опа появится, сразу мне звони. Если что-то ещё необычное возле машины будет происходить, тоже звони. И не высовывайся особо.

– Я понял. Всё хорошо, сенсей? – спросил мальчишка.

– Всё хорошо, – ответил я и нажал на педаль газа.

* * *

Пока я ехал, пытаюсь привыкнуть к новому рулю, да и к рулю в принципе – я ведь не садился за него сколько, если вчерашний эпизод с Судзуки не считать, Азиф позвонил три

раза:

– Сенсей, на тренировке вы говорили быть внимательным. Я внимательно посмотрел. На асфальте под машиной конфета лежит. В фантике. Шоколадная. Это странно.

– Да, ты прав. Но к машине не приближайся. Ничего не бери и не трогай.

Через пять минут:

– Сенсей, забыл сказать, что машина давно стоит. Я в окно склада её ещё до завтрака заметил. Но было темно, не видел, что красная.

– Спасибо. Расскажешь всё по приезду.

Ещё через три минуты:

– Сенсей, машина открыта.

Внутри меня всё оборвалось. Я сказал сквозь зубы:

– Я велел не подходить к машине, Азиф. По приезду отождмёшься двадцать раз. Ещё ослушаешься, будешь час на кулаках стоять.

Азиф оробел:

– Простите, сенсей.

– Жди. Следи. На безопасном расстоянии. От склада.

* * *

Красный Судзуки был припаркован на том же месте, где Кнопка меня застала со своей просьбой о помощи. Азиф робко подошёл, показал на конфету, повторил про утро.

Больше он ничего не видел, завтракал, отцу помогал. Я отослал его, велел отжаться дома. Благодарность-благодарностью, но дисциплина-дисциплиной. Ещё не хватало, чтобы пацану голову снесли. Я осторожно открыл дверь Судзуки со стороны водителя. Тревога пульсировала всё отчётливее и ярче. Она хлынула, как цунами, когда я увидел на пассажирском сиденье договоры с Хорьковым в файле. Их бы Кнопка не бросила, даже если бы машину, как квартиру, забыла бы закрыть по рассеянности. Вот тебе и ложь об охране... Чёрт!

Пытаясь быть беспристрастным, я осмотрел салон – сумочки нет, телефона тоже. Следов борьбы нет. Вот только конфета из той самой кухонной горы. Присел на корточки, всматриваясь в замёрзшую грязь: кажется, это след от каблучков женских сапожек, две параллельно вдавленные крошечные ямки. По логике, такие могут возникнуть, если человек падает назад и пытается удержаться на ногах. А это значит...

Меня прошибло холодным потом, по вискам забило, как молотом по наковальне – Кнопку похитили! И, судя по брошенному без внимания договору, вряд ли «молочники», если не совсем идиоты. Но кто?! Во рту пересохло от волнения.

Сёмин, чёрт его дери! Мне нужен Сёмин! И поскорее!

Под шорох шин по асфальту я распрямился. Чёрный Мерседес подруливал к Кнопкиному Судзуки. Резко затормозил, и как по заказу, Андрей Сёмин собственной персоной вырисовался передо мной. Лицо его было серьёзным и недобрым.

– На ловца и зверь бежит, – сказал он.

– С языка сорвал, – ответил я.

– Ну, вот и поговорим, Раф, – жёстко бросил он. – От машины отойди.

– С какой стати? – буркнул я.

– Не хрен следы затапывать.

Я отшагнул назад, не отводя взгляда от Сёмина.

– Что тебе известно? От чего такой интерес к Любви Соколовой? – напирал я.

Он мгновенно оказался рядом, взглянул пытливо:

– Встречный вопрос.

– А я знал, что просто так банькой в деревне ты не балуешься. Говори, я спросил первым.

– Интерес официальный. Какие у тебя совместные дела с Любовью Алексеевной Соколовой, Рафаэль? Отвечай, имей в виду, ты уже встрял, не отряхнёшься. – Корочка мне в нос, словно я раньше её не видел.

Приехали. Вот я и помог шоколадному сырку в шубке... Итак, всё плохо. Не самопальные обидчики или тупые бандиты, а спецслужбы. Действительно встрял. Засосало под ложечкой. От кого на самом деле она просила меня защитить? И была ли ложь? Или просто Кнопка умолчала, из страха? Насколько крупная ведётся игра?

Вслух я сказал:

– Я на неё работаю.

– Вот как! – на самом деле удивился Андрей. – С каких это пор?

– Второй день.

– Не густо. А как же твоё знаменитое: идите все на хер, мне ваша работа и этот мир не нужен? Деньги кончились?

– Не кончились. Ты мне не ответил, – сказал я, с прищуром пытаюсь просканировать мимику собеседника. Никак не верилось: внешняя разведка, разве это возможно?! Снова.

– И хороша должность? – словно так и надо усмехнулся Сёмин.

– Ты мне не ответил.

– Тебе лучше на мои вопросы отвечать. Итак, должность?

– Она попросила меня охранять её.

– От кого?

– Возможно, от вас?

Сёмин мотнул головой:

– Исключено.

Я развернулся всем корпусом, готовый на любой выпад со стороны оперативника.

– Похищение – ваших рук дело?

– Нет.

Показавшиеся из-за угла фургон и пара чёрных внедорожников подрулили и окружили маленький красный паркетник Кнопки, перегорев половину дороги. Как вороньё на снегиря. Высыпали ребята. По первому взгляду ясно: профессионалы. Я опешил.

Сёмин кивнул старшему:

– Работайте! – И продолжил со мной: – С чего ты взял,

что Соколову похитили?

В таком случае лучше сотрудничать. С волнением наблюдая за работами экспертов, обнюхивающих каждый миллиметр игрушечной машинки, рядом и под ней, я выложил всё, что мне известно. Про Азифа, договоры и молочников в том числе.

– Проверим, – коротко бросил Андрей. – С нами поедешь.

– Поеду. Но скажи, в чём она замешана?

– Она? Ни в чём.

Кнопка как назло встала перед глазами. В шубке своей, с улыбкой. Сердце сжалось. Я понял, что мне за неё страшно. Очень. Незнестность убивает, мне ли не знать...

– Андрей, мне нужно знать, как всё обстоит на самом деле! – подчеркнул я чуть более эмоционально, чем должен был, и достал из кармана сложенный договор, который хотел утром положить перед Кнопкой на стол и, выявив все причины лжи, разорвать. Надеюсь, сейчас не покраснел от стыда. Но голос немного сел: – Я обязался её охранять. Но получается, проворонил. Значит, теперь обязан найти.

– Это уже совсем не твоя юрисдикция. Теперь Соколовой занимаемся мы.

– Нет, Андрей, ты не понимаешь! – прорычал я. – Я должен...

Сёмин глянул на меня изучающе, а моё сердце забилося, разрывая грудь изнутри, как лошадь копытами. Ведь не скажет! И вдруг он, понизив голос, ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.